

Сыщик для феи

Владимир Свержин

Когда наступит вчера

«Владимир Свержин»

2005

Свержин В.

Когда наступит вчера / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2005 — (Сыщик для феи)

Новое дело «сыщика для феи»! Судьба – в образе очаровательной феи из Волшебной Службы Охраны – настигла Виктора и его «доктора Ватсона» Вадима вновь. В мирной «младшей сестре Великой Груси» Субурбании произошло такое, чему и названия-то нет: в единую ночь исчезли король Барсиад и весь его двор! Мздоимцы среднего и низшего уровня в шоке. Субурбанцы в панике... А на вакантный престол уже претендуют ставленник мздоимцев Злой Бодун Ратников и ставленник Великой Груси – Вадим!.. И победить должен Вадим – уж слишком важна Субурбания для «старшей сестры»!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

«Сказка – ложь, да в ней ценная оперативная информация».
Из «Наставления для одиноков-следователей»

Пролог

Сказ о том, что было, что будет, чем сердце раззадорится

Статный труп лежал под раскидистым дубом среди раздольной степи, разбросав руки и ноги по всей длине. К дальнейшему повествованию это одорогло отношения не имеет, но, как говаривала бабушка детектива, Агата Кристи, труп должен появиться уже в первой главе. Отдадим же ему должное в прологе и больше не будем к нему возвращаться.

Если бы лет пять тому назад мне, старшему оперуполномоченному столичного уголовного розыска, сказали, что я буду работать частным детективом, я бы, пожалуй, только рассмеялся. Если бы при этом данный некто сообщил, что следственные мероприятия мне придется проводить в мире, где по небу летают драконы, а по земле разъезжают витязи, вероятно, недолго думая я бы вызвал пару славных витязей из тех, что возят с собою мантию с рукавами, завязывающимися позади спины.

Но тогда мне об этом никто не заикнулся. А в тот день, когда в офис моего частного детективного агентства пришла насквозь простреленная горем моложавая бабуля, моля отыскать ее пропавшую внучку, – заикаться было уже поздно. На поверку бабуля оказалась не бабулей, внучка не внучкой, даже автомобиль, на котором прикатила обливающаяся слезами «старушка», оказался не тем, за кого себя выдавал. В результате следствие зашло в такие несусветные дебри, что, напиши я о нем не роман, а официальный отчет, санитары со смирительной рубашкой наведались бы уже ко мне. Даже тот факт, что во всех странствиях, описанных в биографической книге «Сыщик для феи», мне сопутствовал вполне реальный свидетель Вадим Ратников, за удаль молодецкую получивший в тех краях гордое прозвание Злой Бодун, не менял, по сути, ничего. Наш родной Кроменец, конечно, не столица, но уж ради такого случая нашлась бы и для него рубаха не по росту. Даже такому крупному, как у Вадюни. Не дай бог, странная форма помешательства распространится среди законопослушных жителей нашего тихого городка. А потому, желая не столько дразнить гусей, сколько есть паштет из их печени, мы предпочитали не особо распространяться о своей недавней клиентке и о поисках пропавшей из-под венца королевши. То есть, конечно, удержаться от соблазна было сложно, и все, связанное с оперативно-розыскными мероприятиями по этому делу нашло отражение в упомянутой мною книге, но кто в наше время верит в подобные сказки?

Мы-то с Вадюней определенно не верим. Но как усомниться в истинности чудесного, когда неопровержимое доказательство его носится по двору, круша все на своем пути, точно малая частица урагана, отбившаяся от стаи. С таким весельем и скромное королевское вознаграждение не в радость. Так, сувенир на память. То ли дело он – юный грифон, вернее леогриф, подаренный феей маленькой Дашке, шаловливой дочке нашей секретарши. Вот уж, непосредственность отдельных сказочных индивидов не знает предела. То есть полный беспредел! Хотел бы я знать, о чем думала эта воистину чудесная сотрудница Волшебной Службы Охраны, делая столь несусветный подарок?!

Сегодня я лично слабо представлял, что делать с нашим домашним любимцем в обозримом будущем. Поиски хоть какой-нибудь внятной информации о методах разведения необычайной сторожевой породы мифических чудовищ не увенчались успехом. Даже у друга моего детства, Вадюниного старшего брата Олега, владевшего, среди многого другого, зоомагазином,

не оказалось никаких материалов по уходу за монстрами и содержанию леогрифов. Правда, увидев своими глазами милое ласковое существо, чуть больше дога, с телом молодого льва, широкими орлиными крыльями и приличествующим званию царя птиц клювом, Олег озадаченно поскреб затылок и неуверенно сказал, что, кажется, подобных тварей изображали на рыцарских гербах. Как говорится, не богат улов, но в уху сойдет.

Обратившись к соответствующей литературе, я выяснил, что детство у леогрифа продолжается семь лет, за время которых он вырастает до размеров крупного быка. После чего у него начинается бурное развитие, и взрослые десятилетние особи смотрятся рядом с африканскими львами примерно как кавказская овчарка на фоне пекинеса. Впрочем, наблюдать подобных монстров в расцвете сил нам с Вадиком уже доводилось. Даже на грифоньей спине полетать как-то пришлось. Пока же этот симпатичный зверек, размерами уже переросший дога, резво прыгал по двору, огороженному высоченным забором, задорно курлыкал и хлопал еще неокрепшими крыльями, норовя взмыть в высокое синее небо.

– В натуре, это ж сколько наш Проглот жрать будет, когда со слона вымахает, – с восторгом цокал языком Вадим Ратников, наблюдая, как гибридный обитатель бестиария, урча от упоения, пожирает содержимое эмалированного таза, наполненного коровьими потрохами.

Я при этих словах лишь грустно качал головой. Мне живо представлялся продовольственный кризис, грозивший обрушиться на Кроменец, когда крылья нашего подарочного экземпляра окрепнут, и он с легкостью, с какой черный коршун таскает зазевавшихся цыплят, начнет выдергивать из фермерских стад то корову, то овцу, то уж, совсем на худой конец, пару свиней. Но это еще полбеды, непонятным хищениям местные хозяйственные власти как-нибудь объяснение найдут, а грифона-то куда девать? В сарае да на поводке такую крупногабаритную тварь не удержишь, в городском зверинце ее не приютишь – тут же вопросы начнутся, что да как, откуда чудище взялось? Рассказывай тогда, как взбалмошную королевишну от нее самой обороняли, как с лесовиками за Железный Тын ходили спящего царевича у Повелительницы Драконов отбивать. С этого-то места, как от пресловутого камня, путь либо в Академию Наук, либо в чуткие руки санитаров!

В общем, как ни крути, подарок феи надо было возвращать. Причем чем скорее, тем лучше. И мы бы давно уже сделали это, благо наша чародействующая подруга иногда появлялась в укрытом от чужих глаз офисе на улице Маршала Черняховского – попить чайку с баранками, или же подкинуть очередной заказ, когда б не Ксюшина дочь, всякий раз закатывающая громогласные истерики, не желая расставаться с жизнерадостным домашним зверьком. Тот, кто сочтет этот повод не заслуживающим внимания, может самолично попробовать отобрать любимую игрушку у ненаглядного дитяти.

Проникнутая педагогическим духом секретарша детективного агентства исподволь готовила чадо к неминуемому расставанию. Она рассказывала, укладывая дочку в постель, как тянется по осеннему небу в теплые края клин золотистых грифонов, печальным ревом оглашая родные края. А в том строю есть промежуток малый. Быть может, это место для Проглота. Дашка хлюпала носом и крепко обнимала пернатую шею товарища детских игр, внимательно слушающего прочувствованные рассказы о собственных горестях.

Так что вопрос, куда девать наше не в меру резвое страшилище, стоял на повестке дня непоколебимо, точно пограничный столб, и мы намеревались задать его Делли, как только она в очередной раз соизволила бы вновь появиться перед нами. Однако, как говорится, у жизни есть свои резоны, и когда фея в очередной раз отдернула завесу между нашими мирами, у нас язык не повернулся задать ей этот первостепенный вопрос.

– Мальчики! – Несмотря на то что я выглядел постарше Делли, очаровательная кудесница имела веские основания называть нас таким образом. Спасибо, хоть детишками не именовала! – Мне срочно нужна ваша помощь!

– О чем базар, родная?! – расплылся в широкой улыбке Вадюня. – Ша все конкретно общелкаем! Ну, че там за криминал? Кому-то на все понты нейметя?

– Уж нейметя так нейметя! – Фея досадливо поморщилась. – Даже не знаю с чего начать.

– Как обычно, – напутствовал я добрую подругу. – С начала.

– Умник! – хмыкнула раздраженная фея. – Начала-то как раз никакого и нет!

– То есть? – Я рефлекторно потянулся за потрепанным блокнотом для записей. – Поясни.

– Вот вам и «то есть»! История нынче приключилась – не знаю, что и полагать. У посла нашего в Елдин-граде сегодня поутру аудиенция у короля Барсиада была назначена. Приехал он во дворец, ждал-ждал, когда его в государевы покои призовут, а никто и в ус не дует! Оно, знамо дело, в Субурбании утро – время после сна. Но уж солнце в зените, а из терема Барсиадова – ни тьфу, ни ну, ни кукареку! Посол тишком-нишком туда прокрался, чтоб, ежели какая беда с дружественным государем учинилась, кому след знак подать. А государя в хоромах и нетути! Ни в ложнице, ни в гриднице, ни в тронной палате – нигде нет! Посол опрометью в Государев Уряд, а и там никого! То есть средней руки мздоимцы суетятся, мзду, кому от кого, кому сколько – сортируют. А только выше стольника никого и нет. Тот к думным радникам – а и там шаром покати. Спозаранку всех точно ветром выдуло!

– Прикинь! – Вадим поглядел на меня с нескрываемым восхищением. – Эх нычкарям-то подфартило!

Делли, не скрывая раздражения, возрилась на соратника.

– Не разумею, что тебе так любо, витязь?! Народ без надежи-государя – что тело без головы! Силою чародейской дергаться может, да только жизнью это не назовешь. Да и тебе-то, свет мой ясный, негоже зубы скалить! Ты ж хоть и левой руки подурядник, а по всему выходит, что чином выше тебя в Субурбании ныне и не сыщется. Стало быть, покуда Виктор искать будет, куда достославный Барсиад со своим двором сгинул, – тебе той страной верховодить.

– Да ты че, в натуре... Да чтобы я!.. Да никогда! – взвился Вадюня, для наглядности вскидывая мощные кулаки. – Ни хрена себе расклад! Пустой погон – чистая совесть! Я полгода в сержантах проходил и то задолбался! Пускай себе живут, как им Нычка на душу навалил. Я чисто не в игре.

– Они-то себе живут, – довольно жестко отрезала фея. – Они-то небось и не заметили покудова, что у них ни короля, ни урядников его, ни думных радников не осталось. Да ведь только завтра о том во всех краях прознают. Тут уж, как водится, свято место пусто не бывает! Смута да резня начнется! А это, между прочим, не только лишь для субурбанцев горе горькое, ибо написано у них в гербе: «Кто к нам с мечом придет, у того мы его и купим!», но и для Груси это беда немалая!

– Братский народ? – прочувствованно задал вопрос младший Ратников. – Типа интернациональный долг?

– Да при чем тут народ? – Уголки губ вечно юной красавицы нервно дернулись. – Субурбания – исконный поставщик в Грусь стратегического сала и рассола. Если поставки сорвутся, то народ наш, не имея чем возлияния Солнцелику закусить да поутру с восходом голову просветлить, впадет в мрачность, а то и в буйство. А Грусь – это мировой поставщик минеральных дров. Тут уж не до шуток! Без минеральных дров, куда ни кинь – все остановится. Вот и выходит, что надо тебе срочно в Елдин-град мчаться да бразды в руки брать. Не я одна – и стар, и млад на тебя уповают!

– Да что я могу? – громко, но вяло пытался отбиться опешивший Злой Бодун. – Я даже в компьютерных играх никогда целой страной не командовал!

– Что ты можешь? – гнула свою линию Делли. – Ты можешь вспомнить, что не только субурбанский мздоимец, но и грусский боярин. И сам, – фея многозначительно подняла указа-

тельный палец, – Базилей просил тебя заняться этим делом. Соображаешь – сам просил! Ежели вдруг что, у нас о подмоге с Субурбанией договор имеется. Вмиг ратей кованых пришлем.

– Да ну, в натуре...

Я не знаю, сколько мог бы продолжаться этот судьбоносный треп, но одна деталь в нем вызывала недоумение. Доказывая Вадиму необходимость занять опустевший соседский трон, фея так и не удосужилась обговорить ситуацию с сыщиком, то есть со мной. Похоже, наличие в Елдине лояльного правителя заботило грусскую Волшебную Службу Охраны куда больше, чем розыск пропавшего монарха со всеми его радниками и урядниками.

– ...Мы не оставим, мы поможем!

– Не, ну по жизни, прикинь, где я, а где те короли...

– Что ж вы раскричались? – возмущенно уперев руки в боки, в дверном проеме появилась рассерженная Ксюша. – Я Дашку едва уложила! О, Делли, и вы здесь?! Вечер добрый! – Собравшаяся уж было накинуться на нас секретарша изменила тон. – Очень кстати! Деточка наконец согласилась отпустить Проглота к его папе и маме. Только, пожалуйста, сделайте это побыстрее, пока она спит. Иначе может передумать. Сами же понимаете – дите!

Из коридора послышалось радостное курлыканье и грохот заваливаемой этажерки. Почувывший Делли грифон, не разбирая дороги, мчался к нам за гостинцами.

– Да, – кивнул я, показывая за спиной Вадиму кулак. – Непременно! Сейчас же, сию минуту мы его и заберем.

Глава 1

Сказ о растущем давлении и ветре перемен

Со школьной скамьи в каждом из нас занозой сидит тезис, что любая кухарка может управлять государством. Правда, завтраки, обеды и ужины в такой державе, вероятно, упразднятся, но пока народ не прикажет своей избраннице долго жить, ее благодное правление будет кататься, как сыр в масле. Все несчастные народы несчастливы по-своему, и тут им не поможет даже самая лучшая кухарка, стоящая у кормила власти. Исходя из усвоенного с детства убеждения, я был уверен, что детективный агент Вадим Ратников сможет править Субурбанией ничуть не хуже ее пропавшего государя. В конце концов, основная часть мздоимцев, составивших опору государственного устройства, оставалась на месте. Так сказать, госаппарат действовал. Исчезла лишь панель управления. Но это дело поправимое. Теперь, с появлением Вадюни, все стольники, застольники, подстольники и прочие пользователи народной мощны могли вздохнуть с облегчением. Мир не рухнул в бездну, не сорвался с оси, всемогущий Нычка со своими детьми, Заначкой и Подначкой, умерили гнев, утерли слезы рыдающих и послали для благополучия возлюбленных чад могучего избавителя в Вадюнином лице.

Насколько я мог наблюдать нравы Субурбании, верховная власть в этой стране была понятием довольно условным. Испокон веков считалось само собой разумеющимся, что во дворце, в стольном граде Елдине, должен сидеть надежда-государь. В обязанности его входило быть мудрым, всезнающим и, как водится, обладать всеми известными талантами в неестественно огромном количестве. Кроме того, каждый очередной король числился великим полководцем, но это утверждение субурбанцы предпочитали не проверять.

Правда, манера коронованных столпов премудрости пускаться в инспекционные набег на собственных посадников и градоначальников порой донимала честных граждан, но это – издержки монархического правления. Не будь подобных явлений верховного правителя своему народу, в умах некоторых смутьянов – а как же без них – непременно зародилась бы злая байка о том, что нет в помине никакого короля Барсиада – ни первого, ни второго, никакого вообще. Чтоб избегнуть разгула анархических стихий и замешательства народных масс, приходилось пренебречь спокойствием честных граждан. Благо, таких в Субурбании почти не наблюдалось.

Наше возвращение в земли любимого богом Нычкой народа было обставлено с подбавляющей случаю помпой, то есть прошло незаметно. Кортёж подурядника левой руки Державного Уряда Коневодства и Телегостроения, в переводе на наш язык что-то вроде замминистра, прямо и недвусмысленно свидетельствовал об успехах возглавляемой младшим Ратниковым отрасли. Вслед волшебному скакуну Делли мчались уже не один, а целых два синебоких джапанских аргамака редкой патрульной породы. Но из какой служебной командировки возвращался сановный мздоимец, история не сохранила для грядущих поколений. Откуда ей было знать такие подробности?

Что касается близкого родства наших железных скакунов, то я, приобретая автомобиль, планировал купить «ровер», а не «ниссан», однако глядящий в корень Вадим справедливо высказал предположение, что автомобиль с корабликом на капоте может превратиться в четырехное плавсредство. А зачем нам, спрашивается, такая посуда на суше?

Мы мчались знакомыми дорогами, которые с момента нашего первого визита весьма изменили свой облик. То там, то здесь высились шатаемые ветром остатки Великого Железного Тына. Неутомимые в извлечении выгоды из любых, порой самых недоступных мест, субурбанцы бойко торговали металлом своей стороны Тына, доводя толщину некогда грозной и нерушимой стены до состояния фольги.

Причем, что самое удивительное, субурбанские ловчицы умудрялись сбавить свой товар не только пришлым чайнаусским купцам, но и мурлюкам, которым, собственно говоря, железо Тына и принадлежало. Сей процесс именовался «возвращением материальных ценностей в обмен на экологически чистый продукт». Под этим звучным термином подразумевались уже знакомые нам жабсы. Хотя упорный слух о том, что у пресловутых мурлюкских жаб в желудке вовсе нет золотых самородков, все шире расплодился по Субурбании, Груси, да что там мудрить, и по Империи Майна, однако никто не хотел признавать, что так долго был обводим вокруг пальца, как последний лох.

Высокопосаженные государственные мужи, старательно делая умные лица, с пафосом рассуждали о естественном отборе платежных средств в обществе и взаимной калькуляции макроэпических эксцессов рынка наличности в бюджетных сферах. Опровергнуть их никто не мог, потому как понять, о чем, собственно говоря, идет речь, в здравом уме не удавалось ни единому умнику. Поэтому шкурки несчастных земноводных обладали еще некоторой ценностью. Хотя скорее коллекционной, чем реальной. Но, как бы то ни было, мурлюки с охотой вкладывали буквально на глазах дешевеющие жабсы куда ни попадя, а ушлые субурбанцы норовили организовать это самое «ни попадя» где-нибудь поближе к свежепобеленной мазанке генерального мурлюкского майора. Возвращение выброшенных на ветер жабсов в родные края отчего-то не радовало захребетников. Более того, они величали субурбанцев пройдохами, бандитами с большой дороги и прочими разбойными элементами, задумавшими недоброе против их Великой Родины. И теперь, опасаясь за моральное здоровье Субурбании, лишившейся короля в голове, мурлюки вполне могли прислать войско Убедительных Увещателей, готовых всякого убедить наповал и увещевать до посинения. Так что нам следовало управиться до их появления.

Впрочем, мы и так не слишком задерживались. Увидев знакомых синебоких «ниссанов», субурбанцы едва успевали поклониться и вслед неутомимым железным скакунам неслись радостные слова национального гимна: «Ты жива еще, моя держава? Жив и я! Ура тебе, ура!!!» То здесь, то там поперек дороги висели оптимистические лозунги, гласившие:

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ В ОБЩЕМ ДОМЕ, ЧТО БЫ О ТОМ НИ ДУМАЛИ
ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ.

Король Барсиад

ЭТОТ МИР – МОЙ! ВСЕ МОЕ – ВАШЕ!

Бог Нычка

Сторожка, в которой некогда квартировал трехголовый Кербер, каким-то чудом сохранилась, но вместо грозного «Здесь нельзя, а там – можно!» на обломке Железного Тына значилось: «Из Субурбании с приветом!» Чуть ниже красовалась рука с вытянутым вперед указательным пальцем, направленным на аккуратный ящик с прорезью и надписью: «Для лишних денег. Фонд Помощи Кому Попало».

– Это типа че? – удивленно возрился на немудрящее нововведение Вадюня.

– В каком смысле? – переспросила фея. – Здесь же ясно написано: «Фонд Помощи Кому Попало»! Кому деньги попадут, тому и помогут.

– Любому, что ли? – не унимался подурядник левой руки.

– Помогут-то любому, да не любой до них дотянется! Там еще с прежних времен людишки посажены, кои при старом режиме Кербера лютости учили. Сейчас вот зверюку в знак всеобщей любви списали, так что приходится им самим на всякого прохожего-проезжего зубы скалить. Но работают, Солнцелик дай всякому!

– И сейчас работают? – уточнил я. – То есть без верховной власти?

– А что им власть? – удивилась фея. – У них, поди, живот главнее короля будет. Хоть потоп случись, без монет мимо никого не пропустят.

– А ежели в объезд? – Вадюня покосился на руины некогда мощного оборонительного сооружения, заканчивающиеся метрах в ста пятидесяти от сторожки.

– Можно, конечно, и в объезд, – пожала плечами Делли. – Только там еще от Тына из земли железяки торчат. А здешний люд к тому же камней насыпал, кольев натыкал – того и гляди, шею себе свернешь! А сам не свернешь – Кто Надо прибежит, поможет.

– Это кто? – снова наивно поинтересовался я.

– А кто надо – тот и прибежит. Нас с вами это не касается, а вот с остальными здесь разговор короткий: либо кидай хвостни в «Фонд Помощи», либо познакомишься с Кем Надо.

– Да кто ж это такой? – распаленный любопытством, не унимался я.

– Вот ты непонятливый! – Фея укоризненно покачала головой. – Ты же следознавец – мог бы и догадаться! Кербер это, ехидна его заешь!

– Как Кербер? – Я нахмурился. – Его же еще после схватки с Повелительницей Драконов по мирному соглашению списали!

– Списали, – иронично кивнула сотрудница Волшебной Службы Охраны. – Вот они списанным и пользуются. Еще и утверждают, что старье, бывшее в употреблении, пора заменять на что-нибудь похожее, только новое, современное. Не то перекусит кто-нибудь дужки замка на границе, а он ни ухом ни рылом!

– Да кто ж перекусит-то?

– Желаящие куснуть всегда найдутся!

– Зубов в натуре не хватит! Повелительница Драконов, кажись, уже медным тазом накрылась, – не замедлил вставить свои ценные наблюдения свежеиспеченный претендент на субурбанский трон. – А у остальных кишка тонка.

– Оно-то так, – согласилась Делли. – Да вот только псеголовцев ею воспитанных, поди, и трети не истребили. А плодятся они, между прочим, дважды в год. Порою до пяти зверенышей в помете. Утроба у них ненасытная, мозгов отродясь не водилось. Кто их за собой куском мяса поманит – за тем и пойдут. И сюда прийти могут. Ежели, скажем, надо будет оправдать появление в здешних краях Увещателей главного мурлюкского майора.

Наша беседа была бесцеремонно прервана недовольным клекотом остроклювого питомца детективного агентства, во весь опор мчавшегося за волшебными жеребцами. Вообще-то леогрифы обладают невероятной силой и выносливостью. Тот же Проглот несколько десятков километров мчал без остановки за перевоплощенными автомобилями, не отставая ни на шаг. Порою он расправлял еще довольно слабые крылья и, толкнувшись от земли, точь-в-точь – лев для прыжка на зазевавшуюся антилопу, парил, словно мохнатый планер, руля длинным, как бич, хвостом. В эти секунды рыжая кисточка на нем, развеваемая ветром, вытягивалась, напоминая огонек на бикфордовом шнуре. Преодолев таким образом с полсотни метров, грифон вновь опускался на землю и рысил за нами, радуясь возможности вдосталь побегать и порезвиться. Однако воспитанный в домашних условиях добродушный монстр тяжело переживал отсутствие всеобщего внимания к своей драгоценной особе. А потому сейчас настоятельным клекотом требовал взять его на руки, вернее, посадить на багажник одного из «ниссанов». Всякий нормальный скакун пришел бы в негодование от столь небезопасного соседства. Взрослый леогриф, не моргнув глазом, мог умять лошадь в качестве легкого десерта, но синебокие джапанские скакуны отличались воистину самурайским хладнокровием и напрочь игнорировали присутствие хищной твари.

Но вот наконец с размещением беззаботно радостной животины было покончено и довольный Проглот, водрузив на плечи Вадима мощные передние лапы, расправил над его головой долгоперые крылья, образуя величественную, почти монументальную композицию. Впрочем, быть может, наследникам престола и подобает развезжать по дорогам в таком виде? Как ни крути, я все еще не мог похвастаться доскональным знанием диковинных обычаев здешних народов.

Между тем марш-бросок на Елдин-град продолжался. Дорога сама собой ложилась под копыта, из утробы «ниссанов» мажорно звучали аккорды песни несколько несообразной с, как бы это выразиться, социальным статусом наших жеребцов: «Даже если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца...» Однако шокировавшая местное население музыка не мешала беседе, как, впрочем, и густой, довольно мрачный лес, через который пролегал путь в столичный град Елдин.

– ...и все же нехорошо как-то получается! Пропала в стране правящая верхушка – и вдруг мы тут – трах-бабах, нате-здрасьте! Любите нас немедленно! – не скрывая сомнения, высказался я. – Как еще народ отреагирует?!

– Никак, – покачала головой Делли. – Мы вон, поди, уж сколько верст отмахали, ты хоть одно встревоженное лицо видел? Местный люд такой досадой не проймешь! Их наши кони куда как больше заинтересовали, чем пропавший государь со всеми его присными.

– Может, они еще не знают об этом странном происшествии, или же не верят, что такое вообще могло приключиться?

– Скажешь тоже, – усмехнулась фея. – Эта земля слухами полнится так, что хоть ковшом черпай – не перечерпашь! Всякому доподлинно известно, что да как случилось, а уж кто куда пропал – и подавно. Всяк свое соврет, но так складно, что невольно мнишь, уж не сам ли толкованин¹ сие умыслил да тихой сапой провернул.

Толстые корявые ветви деревьев, упрятанные молодой зеленой порослью, мостками перекидывались над дорогой так низко, что иногда приходилось нагибаться к самой холке, чтобы избежать нежданных столкновений. Издалека замечая очередную сучковатую преграду, Проглот всякий раз издавал гневный вопль, точно пытаюсь испугать непочтительное растение, и тут же прятался за широкую спину славного витязя Вадима Ратникова, по прозвищу Злой Бодун.

Я про себя отметил необходимость обратиться по прибытии в столицу к местным коллегам из Главного Призорного Уряда с просьбой... Впрочем, почему с просьбой? Я покосился на мчащегося рядом господина подурядника левой руки. Как это там: «Всемиловнейше повелеть соизволили» профильтровать бесцельно блуждающие в народных массах слухи. Глядишь – рациональное зернышко-то и сыщется!

Лес между тем закончился, и мы вновь оказались на большаке, с обеих сторон окруженном мелкорослым осинником, сквозь который просматривались желтеющие поля общинного жита. Палисад, защищавший посеы от зайцев и лихих татей, был собран из острых кольев, перевитых терновником. Случись что, за такой немудрящей изгородью можно было довольно долго держать оборону не только против длинноухих грызунов. Дорога шла вниз под горку, я привычно собрался чуть притормозить, когда за спиной раздалось требовательное: «Стоять!»

– Не понял?! – Вадюня резко сбросил ход и повернул скакуна так стремительно, что грифон всей своей немалой массой припечатал всадника к конской шее. Более хлипкие седоки, пожалуй, вылетели бы из седла, но младший Ратников был не из их числа. Мы не замедлили последовать примеру боевого товарища, хотя и не так резко, а потому с меньшим ущербом.

– Я все так и зрил! – голосом полновзвучным, мощным, явно привыкшим издавать приказы, глубокомысленно изрек автор и исполнитель давешнего вопля. – Фея, чужестранцы и молодой леогриф верхом на коне!

– Слышь, дедуган, блин перепекшийся! – выравниваясь в седле, процедил Злой Бодун, вовсе не испытывающий радости по поводу нежданной встречи. – Какого рожна ты голосишь? Че, газы поперли?! Уголька пожуй!

Человек, к которому были обращены эти малопочтительные замечания, с некоторыми оговорками подходил под определение «дедуган», но при зрелом размышлении я бы его, пожалуй, так называть не стал. Это был высокий, статный, как говорится, маститый старец с седыми волосами, разметанными по плечам, и подобающей случаю бородой до пояса. Опирался могучий старик на длинный увесистый посох, должно быть, служащий отнюдь не только для удоб-

ства передвижения. Узловатая загогулина с куском какого-то минерала, украшавшая дубину, намекала на этот факт, быть может, и двусмысленно, но вполне прозрачно. Ни дать ни взять – чародей из детских сказок! Да еще, того гляди, не добрый, а совсем даже наоборот.

Я вопросительно посмотрел на Делли. Она, не скрывая своего удивления, на меня. Вероятно, к родственникам и знакомым многоопытной феи старец не принадлежал. Но кто их, седобородых старцев, знает?! К тому же не за тем мы сюда приехали, чтобы затевать бессмысленные свары на дороге.

Прикинув в уме, что будь здесь вражеская засада – нас наверняка бы уже атаковали, я заговорил, стараясь по возможности скрасить впечатление от неучтивости друга.

– Простите, а вы, собственно, кто?

– Нешто не признали?! Здешние жители все обо мне ведают! – Седобородый гордо расправил плечи. – Я ж вдохновенный кудесник! Кличут меня дед Пихто, не путать с пихтой. А по прозвищу – Нашбабецос!

– Нашба... кто? Литовец, что ли? – пробормотал Вадюня. – Ну, типа литвин?

– Из тутошних я, – нахмурив брови, отмахнулся кудесник. – А прозвище я у одного заморского кудесника перенял, чтобы, значит, славу его к своей прибавить. Он ведь каждому в четырех строчках все, что сбудется, точно сказывал. Только я имя его на наш лад перевернул, а тогда и славы никакой не стало, и именем народ в изумление ввожу. Сменю я его. А вот вы-то из каких краев будете? Мчитесь как оглашенные! Насилу поспел за вами вдогон!

– Не вдуплил, старый! Мы-то при своих делах, а ты че за нами тянул? – не слишком заботясь о доступности речи, проговорил Ратников, внимательно разглядывая пресловутого деда с таким звучным, хотя и малопонятным прозвищем.

– Так вестимо зачем! – Кудесник явно не нуждался в переводчике. – Я ж тут не просто по лесу брожу, грибы-ягоды собираю. Я, между прочим, баюн вещей! Язык мой свободный дружен с голосом... сами понимаете Кого! – Длинным пальцем старец указал на медленно тянущиеся по небу облака. – Видение у меня для вас было! Да, поди ж за вами угонись! Я покуда оделся, покуда подпоясался – вы уж, почитай, двадцать верст перемахнули.

– Виде-ение? – почтительно и как-то с опаской протянул подурядник левой руки. – В натуре?

– Ну что ж, коли так, – нарушила молчание Делли, – толкуй от печки! С чем пожаловал? Старец, отчего-то укоризненно глядя на нас, выразительно покачал головой.

– И словца не вымолвлю!

– Это еще почему же? – возмутился я.

– Ой и темен ты, чужестранец! Ну просто спасу нет. Мал, млада меньше – кого хошь спроси – всяк скажет. Вдохновенный кудесник, коли весть с самого верху несет, из темного леса навстречу выходит. А не вдогон, точно заяц куцехвостый бежит! В общем, хотите знать, что мне в священной глади узрелось да пригрезилось – езжайте вспять на ту сторону леса. – Он ткнул пальцем себе за спину. – А уж оттель, знамо дело, вдругорядь сюда ворочайтесь. Тут-то я вам навстречу и выйду. Только уж вы виду-то не подавайте, что мы ноне здоровкались.

– А может, ну его, в натуре! – Вадюня перевел взгляд с кудесника на меня, затем на Делли. – Мутный какой-то старикан! Я вот так навскидку ничего путного о деде Пихто не припомню!

Я напрягся, пытаюсь вытащить из памяти хоть какие-то данные из биографии этой одиозной личности. Но тщетно. Как обычно, при встрече с подобного рода особами основная надежда была на скорость магической реакции союзной нам сотрудицы Волшебной Службы Охраны. Но здесь, на чужой территории, Делли старалась без особой нужды не пользоваться своими выдающимися способностями и потому молчала. Зато отдышавшийся кудесник без умолку вещал, придав лицу драматически-возвышенное выражение.

– Коли головы вам дадены не затем только, чтобы ими орехи колоть, то, стало быть, и поразмыслите. Зря, что ли, Сам тревожился да видения мне посылал, али умысел какой имел?! Вестимо же, не простой, а неизреченно мудрый! Ну, да воля ваша – сами решайте. А мне с вами лясы точить недосуг! Они и в иных местах неточенные.

– Ну что ж! – Я кинул взгляд на спутников. – Может, действительно у гражданина Пихто Нашбабецоса имеется для нас ценная информация? Полагаю, мы не слишком задержимся, если вернемся.

– А может, он нас того, схарчить намылился? – склоняясь ко мне, как-то неуверенно прошептал Вадюня.

– Подавится! – с плохо скрываемой угрозой в голосе довольно громко проговорила Делли.

К месту точки разворота мы возвращались в напряженном молчании. Вначале Вадюня пробовал бубнить себе под нос, что, мол, все это понты и в натуре не стерся бы язык у деда Пихто напеть о своих глюках на той стороне леса, но, снявши голову, по волосам не плачут. Его праведный гнев не нашел должного отклика у немногочисленных слушателей. Делли, понятно, была расстроена вынужденной задержкой. Я же наконец улучил момент обдумать свои действия в предстоящем расследовании. Что и говорить, любая, пусть даже самая мелкая зацепка была бы мне, пожалуй, весьма кстати. В прежние годы в уголовном розыске мне приходилось искать убийц, ловить грабителей и насильников, с недавних же пор я специализировался по пропавшим наследникам престола и магическим козням. Но это?!.

Исчезнувшая из-под венца принцесса, всякие древние необдуманно обещания и празднующиеся драконы – с этим вопросов нет. Уже нет. Тут хоть отдаленно представляешь, с чего начинать. В крайнем случае всегда можно обратиться к справочной литературе. Как говорится: где-нибудь, когда-нибудь, что-нибудь подобное уже случилось. Но чтоб вот так, по щучьему велению, неведомому хотению исчезла вся государственная элита – этого вроде бы ни в одной сказке не сказано, ни одним пером не написано. Вот и думай, как подступиться!

Впрочем, какими бы ни были волшебные страны и диковинные существа, их населяющие, а преступление остается преступлением. Стало быть, имеется мотив, личность преступника или же преступной группы и, уж конечно, цель, которую преследует неизвестный мне пока злоумышленник. Или злоумышленница. Или... В общем, в этом мире всего можно ожидать. Пока ничего не ясно, единственный способ – действовать по отработанной процедуре: осмотр места преступления, опрос свидетелей, выявление связей, и далее по списку. Тут уж одно звено в цепи нащупаешь – всю ее без суматохи и лишнего шума вытянешь.

Итак, кому было нужно, чтобы король, его урядники и думные радники исчезли невесть куда в единый миг? Подозревать можно кого угодно, начиная от Повелительницы Драконов до самого короля Базилея, не говоря уже о любом заурядном, вернее, незаурядном завистнике, который решил освободить себе местечко под солнцем с мягкими подушками и хорошей кухней. Как уж это ему удалось – другой вопрос. Наверняка здесь без магии не обошлось, и тогда любая деталь для нашей следственной группы лишней не будет. Глядишь, и божественные откровения деда Пихто на что-нибудь сгодятся!

Лес между тем вновь закончился, и мы опять поворотили коней, собираясь пересечь его в третий раз за сегодняшний день. Надеюсь, что последний. Во всяком случае, на ближайшее время. Надо отдать должное гражданину Нашбабецосу, вдохновенный кудесник не заставил себя долго ждать. Стоило нам вновь оказаться под кронами вековых дубов, как он неспешно появился из-за ближайшего дерева и как ни в чем не бывало зашкандыбал навстречу, точно и не собираясь вступать с нами в беседу.

– Але, гараж! – Вадим Ратников развернул «ниссана» поперек тропы. – Куда метемся, почтеннейший? Мы уже здесь!

Дед Пихто картинно вышел из задумчивости и обратил благосклонное внимание на не слишком учтвого всадника.

– Вот только стращать нас не след. Мы, с позволения сказать, волхвы, могучих владык не боимся. И даров царских нам тоже не надобно. Мы люди честные и боголюбивые. Раз уж привела вас нужда ко мне за советом да прозрением, то, стало быть, все чин чином – поможем, предскажем, поведаем, так сказать, о сокровенном. Но уж, что заработали – то, извольте понять, наше. Вали кулем вон на тот пенек и я тут же все прорицну, ничего не скрою.

Я криво усмехнулся. Старый мошенник отнюдь был не дурак в изымании платежных средств у легковерного населения. И хотя на этот раз добыча ему попалась, пожалуй, не по зубам, сивобородый плут вполне мог приторговывать собственной наглостью. До скончания века ему бы хватило с избытком.

– Слышь ты, разводила! – Злой Бодун поудобнее перехватил легендарное копье системы «Мосберг».

– Сколько? – перебил я друга.

– Ну, так дело известное! – нахмурился, процедил Кудесник, от которого не укрылось понятное на любом языке движение гневливого витязя. – Как водится по уговору. Дело-то божье! Меньше двух тысяч жабсов никак нельзя. Можно в хвостнях, или убитых енотах по курсу. Все честно, без подвоха. Как говорится, плати по уговору, коли хочешь уйти подобру-поздорову.

– Не понял?! Прикинь, Клинь, Клинь! – Подурядник левой руки Вадим Ратников с угрожающей плавностью двинул жеребца на вещуна. – Меня кумарит этот фитиль! Он в натуре не по делу чадит! Ща я его тут конкретно притушу!

«Погоди!» – хотел было крикнуть я, но поздно. Седобородый старец свел мохнатые брови на переносице, отступил на полшага назад и воздел руки к темнеющим небесам. В тот же миг лес вокруг нас завыл, загудел, затрещал, заухал на разные лады. Тяжелые ветви взметнулись вверх и устремились к нам, точно длинные жилистые руки, пытающиеся ухватить скрюченными пальцами ускользающую добычу.

– Да убоится сильный праведного, ибо слово заветное сильнее каленой стали! Валяй, детушки!

Глава 2

Сказ о нечистой силе и чистой правде

Град желудей под напором, точно струя из водомета, ударил по всадникам со всех сторон, стремясь выбить их из седел. Вокруг феи в мгновение ока возникло золотистое облачко, почти совсем прозрачное и в иных условиях едва заметное. Но сейчас, когда столкнувшиеся с легкой дымкой метательные снаряды рикошетили, словно от танковой брони, его было хорошо видно.

Вадюня, со времен нашего первого дела в волшебных краях ежедневно практиковавшийся в древнем боевом искусстве, как-то очень профессионально съезжился и закрылся диковинным прозрачным щитом, давая желудям возможность, не причиняя вреда, тархтеть по доспеху.

Тяжелее всего пришлось нам с Проглотом. Походное одеяние завязанного одиноца-следознавца – негодящая защита при подобных обстрелах, впрочем, как и отливающая золотом шерсть грифона. Пока я тщетно отмахивался от свинячьих деликатесов, возмущенный незаслуженной обидой монстреныш, с оглушительным воплем расправив крылья, устремился прочь из зоны обстрела в гущу леса. Опавшие листья, взметнувшиеся на месте его стремительного прыжка, на краткий миг скрыли крылатого спринтера из виду, когда же импровизированный вихрь улегся, его не было и близко.

Между тем, выдержав первый натиск, наш маленький отряд перешел в контрнаступление. Вот белесый вихрь, появившийся на месте Вдохновенного Кудесника, продолжая медленно вращаться, замер в воздухе, и огненный шар, возникший сам собою между пальцами Делли, вкуче с ее прицеливающимся взглядом наводил на мысль, что гражданину Нашбабецосу предстоит детально ознакомиться с местной вариацией игры в лапту. Не знаю уж, какие еще тузы были припасены в широких рукавах у сивобородого пророка с большой дороги, однако им не суждено было явиться пред наши очи. Заглушая скрип деревьев и грохот желудевого обстрела, над лесом разнесся душераздирающий визг и вой бог знает какой нечисти, и вдруг все стихло единым разом. Словно и не было размахивающих ветвями деревьев, корней, пытающихся ухватить за ноги синебоких жеребцов, словно светлая лесная тропинка как ни в чем не бывало лежала у ног прогуливающихся дачников. В наступившей тишине было слышно лишь сдавленное ворчание грифона, с натугой волокущего что-то.

Спустя минуту появился и он сам. Вернее, не сам, а с добычей. Законный трофей Проглота волокся за ним с понятной неохотой, утирая левой рукой размазанные по щекам слезы. Правая его рука в районе запястья была перехвачена железным клювом стокилограммового гибрида. Пленник, вернее, пленница нашей домашней скотинки по виду была совсем юной, так что я начал лихорадочно вспоминать, существуют ли в Субурбании законы, карающие несовершеннолетних преступников.

– Ага-а-а-а! – торжествующе заорал Вадим Злой Бодун Ратников, потрясая «мосбергом». – Получи, фашист, гранату!

Едва отзвучал его боевой клич, как вихрь, точно пытающийся просверлить насквозь тропу, застыл на месте, затем из него вылетело нечто и упало наземь. Не знаю уж, то ли падение предмета, то ли утрата предмета владельцем привели к тому, что Вдохновенный Кудесник снова приобрел почти утерянный человеческий облик. Дед Пихто стоял перед нами, с негодованием грозя корявым посохом.

– Ой, Оринка, ягодка моя! Что ж эти злодеи с тобой сделали?! Как вам не совестно?! – Эти слова уже относились непосредственно к нам. – Что вы себе позволяете, прах вас побери?! Нападение на государева мздоимца и членов его семьи! Я буду жаловаться самому подуряд-

нику Уряда Народных Увеселений! Какое ваше право травить чудовищами честных подданных короля Барсиада II! В кандалы захотели?!

– Пасть закрой – кишки простудишь! – рявкнул на прорицателя не на шутку разгневанный витязь.

– Не смейте повышать на меня голос! – Старец топнул ногой. – Я стою на своей земле и занимаюсь своим законным промыслом. У меня о том и особливая Почетная Грамота имеется!

– Да ты знаешь, что с ней можешь сделать? – заорал мой соратник, приподнимаясь в седле и оттого еще больше нависая над не в меру расшумевшимся кудесником с большой дороги.

– Вадим! – попытался было я перебить своего друга.

– Свернуть ее в трубочку...

– Вадим! – Мой голос звучал громче и требовательнее.

– Ну что Вадим, что Вадим?! – не унимался витязь. – Если этот долбаный пенсионер своими желудями мне еще и покрытие на «ниссане» повредил, – я его здесь урою, как последнюю тварь!

Копьеобразный «мосберг» угрожающе раскачивался у меня перед носом, так что я счел за лучшее отвести его в сторону.

– Перед тобой – субурбанский мздоимец.

На лице моего боевого товарища отразилась внезапная задумчивость.

– Че, в натуре? – явно не совсем веря услышанному, проговорил именитый муж осиротевшей державы.

– Он так говорит. – Я пожал плечами.

– Улет! – Лицо грозного воителя расплылось в улыбке, определенно не располагавшей к смертоубийству. – Дедуля, так ты ж, чисто, не в теме! Я ж тебе не хрен с бугра, я ж конкретно подурядник этого самого, этого, как его... – Вадюня пощелкал пальцами.

– Уряда Коневодства и Телегостроения, – тихо напомнила фея.

– Во-во! – Указующий перст Злого Бодуна опустился на уровень груди Вдохновенного Кудесника. – Короче, мужик, ты попал!

Восковая бледность покрыла дотоле румяные щеки седобородого старца.

– Да нешто вправду подурядник? – с затаенной тоской проговорил осанистый дед.

– Все конкретно, без балды! – Вадим Ратников вскинул разведенные по трем векторам пальцы. – Хошь, мандат засвечу?!

После этих слов он, не спрашивая дальнейших пожеланий умудренного сединами провидца, выхватил из сапога полученный некогда в казематах елдинской тюрьмы документ, свидетельствующий о высоком статусе предьявителя.

– Воткни глаза и убедись! Все чики-пики, в натуре!

– Охо-хо-шеньки, какая досада! – Сконфуженный дед Пихто поскреб пятерней затылок. – Оно, конечно, прощеньица просим! Неувязочка вышла, недоглядели, стало быть. Только вот просьбочка у меня к вам нижайшая имеется... – Старик огорченно вздохнул. – Вы уж того, щеночка своего назад отзовите. А то ведь негоже станется, коли он мою внучку по недомыслию и малолетству когтями подерет, или, того, клювом тюкнет.

Опасения лесного ведуна были довольно обоснованны. Когти даже молодого леогрифа достаточно велики и остры, чтобы располосовать в ключья, скажем, бычью шкуру, не говоря уже о тонкой человеческой коже.

– Это, стало быть, внучка ваша? – с плохо скрытым подозрением в голосе кинул я.

– Ну так, знамо дело, моя! Чья ж еще? – Кудесник махнул рукой, точно призывая кого-то, и со всех сторон из-за деревьев начали появляться человеческие фигуры. – Я ж все ж таки не просто Пихто, а дед Пихто.

Появившиеся с разных сторон незнакомцы все как один походили на лесного патриарха, все как один имели сконфуженный вид и не проявляли ни малейшей склонности к агрессии.

– Проглот, к ноге! – рывкнул грозный, но справедливый подурядник, и возбужденный удачной охотой щен, послушно оставив законную добычу, перепрыгнул чащобный люд и в одно мгновение оказался на тропе. В клюве Дашкин любимец держал по живому оторванный рукав из зеленой, в ягодах и цветах, материи.

– Фу! – возмутился Вадим. – Брось немедленно! Таскаешь всякую гадость!

Грифон скосил на витязя хитрый желтый глаз и затряс головой, требуя немедленно поиграть с ним в «отнималки».

– Выбрось, кому сказал! – вновь сурово потребовал Ратников.

Между тем дед Пихто что-то негромко скомандовал многочисленным потомкам и те, перестав глазеть на высоких гостей, занялись делом. Одни сгребали в кучу разбросанные желуди, другие грузили их в невесть откуда взявшиеся короба, третьи поднимали на блоках поваленные вокруг нас дубы. Одним словом, приводили тропу в исходный вид.

– Старый плут! – Делли насмешливо покачала головой. – А я ж еще и чувствую, что волшебства-то здесь со змеиное ухо, в самый раз, от двух-трех мурлюкских безделиц, а тарарам – точно взаправдашний.

– Ну так, чего уж там... – Кудесник развел руками. – Нам, вещунам, нынче по-другому никак! Это ж раньше, бывало, иные человеци приходили за сто верст об жизни потолковать да вещее слово послушать. А нынешние людишки совсем поплошали! Иные всякому трезвону верят, рты разинув, точно Переплутневым байкам. Другие же, напротив, хоть кол на голове теши, а словам, что от самого Вышнего Творца исходят, просто так не внемлют. Вот, стало быть, и приходится всяко видимость создавать, токмо б слово правды до иных дурней стоеросовых довести.

– За немалую мзду, – усмехнулся я.

– А то как же! – без тени смущения подтвердил дед Пихто. – На то ж мы и мздоимцы! Семейно-то прокормить надо! На одних ягодах да орехах тело не нагуляешь. Но у нас все почестному, без обмана. Страху вы уже, стало быть, натерпелись, видение еще впереди, а теперь извольте отобедать от лесных щедрот. Ну и там поговорить о том о сем. Все чин-чином, согласно уложению достопочтенного Уряда Народных Увеселений.

Немудрящая лесная трапеза шла своим чередом. Поджаристая дичь и разносолы обильно запивались самодельными наливками, по всему видать, составлявшими предмет особой гордости хлебосольного Кудесника.

– Вот, положим, брусничная, – вещал он, разливая красновато-прозрачную жидкость по резным деревянным ковшикам. – Здесь же ж чтобы абы как – так ни-ни! Тут особый подход нужен. И когда Луна возрастает, знать надо, и в какой день Солнцелик во всей красе и могути своей пред очи кажется, а в какой – в туге-печали за тучами хоронится. Коли всем тем пренебречь, слудру рукой махнуть, такая, доложу я вам, косорыловка выйдет, что и в голове туман, и в ногах заблуждение. Не то что от правильного питья, в котором вся земная сила заключена! А от той силы в человечьем, – тут дед Пихто с извиняющимся видом поглядел на фею, – ну и, стало быть, в вашем многопочтенном животе теплота и радость всякая разливается. А это, ежели хотите знать, потому, что от начала начал всякой травинке, всякой ягодке свой, вестимо, сокровенный толк положен. Нам сей толк ведом. Тем, стало быть, и пробавляемся. Правду баю, Оринка? – обратился к бывшей пленнице, оказавшейся при ближайшем знакомстве вполне миловидной девицей, ее многомудрый пращур.

– Правду, дедуля, – кивнула внучка, принимая из рук старца опустевшую березовую бутылку и ставя взамен другую.

Теперь леогриф ластился к ней, выражая нежную симпатию, обвивал девичьи ноги своим длинным хвостом, подставлял голову для почесывания и требовательно щелкал клювом, призывая не скупиться на мясные подачки.

– Ишь, юлит! – Старец погрозил пальцем Проглоту, который пытался было нахально стащить запеченную в глине утку. – У, зверюга! У, тать ненасытный! Пошто внученьку мою перепугал?! – С этими словами дед Пихто повернул седовласую голову к Делли и Злому Бодуну. – Одна она у нас! Сколько наш род в этих местах живет, одни мужики рождались. А чтоб девка – так это лишь когда рак на горе свистнет.

– И чего в натуре свистел? – живо поинтересовался подурядник левой руки.

– Свистел! – вздохнул уже изрядно поднабравшийся зелена вина провидец. – Пряма-таки соловьем заливался! А это, я вам доложу, знак верный. По всему видать, судьбина ей уготована не тутошная, не чащобная. Даров-то лесные духи ей в колыбельку немало положили. Она, ежели что, и будущее прозревает, и в травах да кореньях сведуща. А коли щи сварит, так и пальчики оближешь! Но, правда, чего таить, она хоть тихоней прикидывается, а егоза каких мало! Ни за какие коврижки на месте усидеть не может. Однако же мыслю, ежели ей правильную науку дать... – Тут дед Пихто уставился на фею долгим вопросительным взглядом.

– Я не набираю учениц, – покачала головой фея.

– Жаль, – разочарованно вздохнул старец. – А то вот наемни Оринушка сказывала, что пришел ей срок из лесу идти, – он вздохнул печально, – чтобы, значит, косу расплести.

– Дед, ты че, прикальываешься? – Подвыпивший Вадюня критически оглядел юную вещунью. – Протри глаза! У нее ж нет косы!

Волосы девушки, как ни смотри, действительно были довольно коротко острижены. Должно быть, такой фасон в густом лесу был куда практичнее, чем коса, а уж тем более длинные распущенные волосы. И за ветки не цепляется, и репейник вычесывать не надо.

– Так говорят, – незаметно толкая Вадюню под столом ногой, тихо произнесла Делли, – имея в виду, что пришло время замуж выходить.

– А, это типа по жизни, – удовлетворенный объяснением, закивал сановный мздоимец. – Типа ячейка общества.

Девушка возмущенно фыркнула и отвернулась, не смея, однако, прерывать непрошеным словом речи старших.

– А он типа кто?

– Да кому ж это ведомо? – Вдохновенный Кудесник пожал плечами. – Народ-то здесь все больше пришлый да ушлый. В смысле пришел да ушел. И откуда тут добру молодцу взяться, чтоб Оринкино сердце девичье разбередить, ума не приложу! И она – скрытница да утайница – имени не кажет. – Дед Пихто со вздохом подпер лохматую голову кулаком и продолжил, жалуясь: – Оно ж как при деде моем повелось, так и доhone ведется. Где прежде тракт проезжий лежал, теперь лишь тропа. Да и то дети мои и внуки ее своими ножками топчут, чтоб далее не зарастала.

Прежде-то, сказывают, многие к прорицателям шли, чтоб разузнать, что да как впредь станется. А ныне вот все перевелись... Как пращур мой нагадал некоему каану, что тот от собственного коня смертушку примет, как сбылось то от слова до слова, так и перевелись. Кому ж хочется о днях своих худое слышать? Особливо когда кругом без счета балаболов, которые за пустячную мзду тебе столько счастья нагадают, что и в двух руках не унести!

С тех пор наш род к захирению пришел. Одна удача – со сбитней да наливок хвостней поднакопили да почетную грамоту от Уряда Народных Увеселений обрели. С тех-то пор пужанием да привечанием на хлеб с салом зарабатываем. Да только хлеб тот горьким выходит. Оно ж местные, да подушную подать заплати, и дорожную пошлину отсчитай. А окромя того, кормовые да щитовые, походные да подходные, а тут вот еще новую лихоманку удумали! Десятину, стало быть, на добавленную стоимость... Что уж тут к чему прибавляют – поди и Нычка не ведает. Однако хвостни вынь да положь, когда не желаешь почетной грамоты лишиться. – Кудесник опрокинул в пустую чару дождавшуюся своей очереди бутылку и, горестно вздохнув, осушил до дна.

– Так что, может, пристроите внучку к делу-то? Глядишь, на что и сгодится! А и мы в долгу не останемся.

Ночь в Субурбании не лучшее время для поездок. Особенно в лесу. Особенно в состоянии сильного алкогольного опьянения. Хотя здесь и не встретишь притаившегося в кустах у обочины остроглазого гридня-автоинспектора с полосатым шестопером, но освещаемая ущербной луной дорога в этих краях сама в силах позаботиться о достойном наказании бесшабашного пьянчуги. Субурбанцы народ смысленный, а потому прокладывали дороги с тем расчетом, чтобы нежданный ворог, нагрянувший в пределы хранимого Нычкой Отечества, сломал себе ноги, руки, шею, одним словом, все, что можно поломать, так и не дойдя до столичных ворот. Как при этом передвигались по стране коренные субурбанцы, сказать трудно. Следует все же заметить, что делали они это весьма резво и сноровисто.

Мы же, не будучи аборигенами этой великой державы, не могли позволить себе подобные выходки безнаказанно. А потому с радостью приняли любезное предложение деда Пихто переночевать в его лесных хоромах.

Как бы это ни было противно после затянувшегося вечернего застолья, солнце вновь поднялось над горизонтом и нетерпеливо начало обшаривать жаркими пальцами тела распростертых на свежем душистом сене именитых мздоимцев Уряда Коневодства и Телегостроения. Увы, даже их, в смысле, нашего, высокого статуса в этом мире не хватало, чтобы заставить бесцеремонное светило шарить где-нибудь в другом месте. Поднесенные Оринкой ковши с чудодейственным рассолом в одночасье вернули нас к жизни, наглядно подтверждая, что рассуждения Делли о влиянии срыва поставок этого стратегического продукта в Грუსь на оборонное могущество этой державы не лишены оснований. Девушка внимательно в упор глядела на нас, точно желая что-то спросить или, вернее, дожидаясь, когда же наконец мы начнем задавать вопросы ей. Но до расспросов ли в таком состоянии?

Терзаясь угрызениями совести за бесцельно проведенный вечер, я вскочил на ноги, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть фею и Проглота. Сотрудница Волшебной Службы Охраны о чем-то увлеченно беседовала с Кудесником, домашняя же животиная, отчаянно резвясь, носилась по окрестному подлеску, то появляясь в поле зрения, то исчезая.

– К ноге, тварь негодная! – заорал я что есть мочи, но малолетнее чудовище лишь припустило со всех ног в глубь леса.

– Клинь, че ты орешь в натуре?! – хватаясь за голову, простонал Вадюня. – Тут в башке от вчерашнего самопляса такая засада, что от мушиного топота выворачивает!

Он вновь приложился к ковшику с целительным напитком, и на лице его начало заметно прорисовываться облегчение, граничащее с блаженством.

– Вставай, поднимайся! – скомандовал я, перебарывая тягостные последствия вчерашней неофициальной встречи. – В Елдине уж небось заждались спасителя отечества.

– Начальство не опаздывает, – с явной неохотой отрываясь от рассола, строго заметил подурядник. – Если ждут – значит в натуре дождутся.

– Нешто уже в дорогу собрались? – подходя к нам с улыбкой, поинтересовался дед Пихто, свежий и бодрый, как будто, в отличие от нас, ночью хлебал родниковую воду.

– Да уж, самое время, – утвердительно кивнул я. – Покуда солнце не в зените, как раз по холодочку и поедем.

– Оно и верно. – Старец величественно оперся на посох. – А то б, коли желаете, еще погостили?..

– Спасибо на добром слове. – Я старательно поклонился. – Да только мы и так загостились. Неотложные дела в столице.

Я вставил ногу в стремя «ниссана», надеясь своим примером подтолкнуть остальной состав следственной группы к активным действиям.

– В следующий раз непременно останемся подольше.

– Уж как пожелаете, – согласился дед Пихто. – А только что ж – предсказание-то, что мне в видении явилось, вам, стало быть, без интереса?

– Какое предсказание? – Я удивленно поглядел на Кудесника. – Что, действительно было предсказание?

– Так а как же ж?! – с легкой обидой в голосе отвечивал седобородый вещун. – Известное дело, было! Нам без дела болтать не положено. У нас все чин чинарем, все по Древнему Уставу. Бронзовый треножник вообще от прапрадеда моего достался, а все как новенький! Это вам не мурлюкская кацея¹, от которой только вонь да пепел, а истинного видения пророческого – хоть чертополох жги, хоть дурь-траву – не дождешься. И блюдо для водной глади у нас не абы какое, а самое что ни на есть от древнего Кума осталось. Так вы уж не поскупились! – Кудесник протянул вперед узкую длинную ладонь. – Всего-то пятьсот хвостней, как для своих, без запросу!

Что кривить душой! Нам, оперативникам, время от времени приходится расплачиваться за информацию. Понятное дело, чаще всего не деньгами. В годы моей работы в угрозыске наличных средств хватило бы разве что на сигареты и кофе для случайных свидетелей. Однако тут поблажечку сделаешь, там кому надо шепнешь, чтобы попусту не трогали – так, бывало, словечко к словечку, на дело и набегает. Но платить за чьи-то видения, угаданные в каком-то чаду и увиденные в блюде?!. Может быть, это вовсе наркотический бред. Все мое оперское нутро восставало против мысли о такой сделке.

– Почтеннейший гражданин Нашбабечос! – вкрадчиво начал я. – А может быть, как-нибудь по-свойски, вы – мне, я – вам?

– Отчего ж нет?! – охотно закивал мой собеседник. – Вот Оринку к хорошему делу приставьте – я вам все и расскажу.

– Клин! – Явно посвежевший Вадим Ратников ловко запрыгнул на спину своего турмалинового жеребца. – Хрен ли ты торгуешься? Мне ж в Елдине в натуре писчиха понадобится!

– Кто-кто? – в недоумении спросил я.

– Ну, по жизни типа секретарша, – растолковал Злой Бодун. – А как их тут называют, хрен его знает. Она писать-то умеет?

– Нет, – покрутил косматой головой дед Пихто. – Зато следы читает, как по писаному. И по звездам все растолковать может.

– По звездам – это ценно, – хмыкнул я. – Ладно, заметано. Рассказывай, что там тебе пригрезилось?

– Ну, значит, так, – словно медиум закатив глаза, начал протяжно вещать дед Пихто. – Далеко-далеко, неведомо где, у берега моря, от сего места кричи – не докричишься, может статься, что в трех конских поприщах¹ отсюда, а может, даже и в пяти, сошлись в губительной схватке два чужестранца неведомых да неизвестных. Один, стало быть, длинный такой, пожалуй, и в две сажени будет. Другой же, наоборот, ростом невелик, а волосья за ним, точно хвост за летучей звездой. Рубились они с насердием², без сна и без усталости неделю кряду. А потом тощий-то верзила, ярлыга ходячая, ворога своего изловчился, за власа ухватил, да мечом ка-а-ак рубанет! – Старец замолчал.

– Ну и че дальше было? – заторопил рассказчика увлеченный сюжетом витязь.

– А щур их знает?! – пожал плечами дед Пихто. – Не успел я досмотреть. Вы уже почти через лес проскочили. Кабы края дожидался, вас бы и след простыл.

– Дед! По-моему, ты нас конкретно кинул. – В словах Вадима Ратникова слышалась плохо скрываемая угроза. – Зуб давал, что все чики-чики, а сам тут фуфел нам прогоняешь!

– Все по уговору. – «Свидетель» потряс указательным пальцем перед лицом моего друга. – Что видел, то и сказываю. Ни вот столечки не утаиваю.

– Дедуля за вами побег, храбрый витязь, а я-то как есть на месте осталась, – вмешалась в назревающую ссору красна девица.

– Ну и че там дальше было? – досадливо поинтересовался Вадюня.

– О том вам знать еще черед не пришел. Коли возьмете меня с собой – так и растолкую!

– Блин горелый! – выругался Вадюня. – Яблоня от старого пня недалеко падает. Лезь за спину. Я не как твой дед, я чисто конкретный пацан, ля-ля не развожу. – Он оглянулся, ища, на ком сорвать накопившуюся обиду. – Я не понял в натуре, где Делли, где Проглот?

– Фея пошла с лесовиками тутошними словцом перемолвиться. А щеночек ваш, извольте видеть...

Юного грифона мы изволили увидеть во всей красе. Резвоногий полукровок весело мчал к нам навстречу, сжимая в клюве нечто белое, расшитое жемчугом, со свисающей кисточкой.

– Опять что-то спер, животина наглючая! Брось, Проглот! Фу! Отдай! Дай сюда!

Юное чудовище затрясло головой, всем своим видом выражая нежелание выполнять законные требования представителя власти.

– Отдай сюда! – Мне пришлось вновь спешиться, чтобы отобрать у расшалившегося монстра дорогую игрушку.

Он крутился на месте, отпрыгивал, клекотал, не размыкая клюва, пока наконец не был изловлен за ухо Вадимом.

– Это ваше? – доставая из мощного клюва очередной трофеей, спросил я.

Дед Пихто внимательно поглядел на Проглотову добычу.

– Так ведь это, того... – почесывая затылок, промямлил он. – Это ночной колпак, не иначе. А кому в бору такие-то колпаки носить?

В словах старика был резон. Лесная жизнь не предполагает любви к изысканным безделлицам. И все же... Я оглядел головной убор еще раз. Тонкий шелк, шитье мелким жемчугом, монограмма... Занятный, кстати, вензель!

Я неожиданно напрягся, словно борзая, взявшая след.

– Вадюнь! Глянь-ка, какая интересная штукавина: корона, а под ней литера «Б», переплетенная с двойкой!

– Ну и че?

– Че-че? Горячо! – передразнил я соратника. – Жабс за хвостень даю, это – ночной колпак его величества короля Барсиада II!

Глава 3

Сказ о деле в шляпе

Если бы в клюве расшалившегося грифона оказался не колпак, а самая что ни есть настоящая корона Субурбании, думаю, и это бы не вызвало на лица лесных аборигенов удивления и замешательства большего, чем довелось наблюдать не менее ошарашенной следственной группе. Конечно, впечатления к делу не подошьешь. Видали мы спецов, так натурально изображавших невиновность и непричастность, что поневоле хотелось сменить листовки с их фотографиями на стенде «Федеральный розыск» на плакаты «Голосуйте за...».

– Ну-у-у?! – с затаенной угрозой в голосе протянул я, не слишком, впрочем, представляя, кому и чем я, собственно говоря, угрожаю. – И откуда взялся этот головной убор?

– И то верно, право слово! – Дед Пихто запустил пятерню в седые патлы. – Не вырос же он тут?

– Не надо темнить, уважаемый кудесник! – все так же с нажимом продолжал я, с грустью сознавая, что подобные действия на оперативном сленге называются «тянуть пустышку».

Но у нас в руках был непреложный факт. На следующий день после таинственного исчезновения из столицы властительного государя со всей его чиновной камарильей, посреди чащобной глухомани обнаруживается предмет, так сказать, личного, почти интимного монаршего обихода. Причем, вероятнее всего, в момент исчезновения как раз прикрывавший от ночной прохлады голову божьего помазанника. А это след, причем след отчетливый и свежий. Хорошо бы сделать по этому следу хоть несколько шагов!

– Почтеннейший гражданин Пихто Нашбабецос, вы можете сказать, что это за предмет?

– Ночной колпак, – бойко отрапортовал лесной житель, осматривая находку. – По клейму видать – государев.

– Ве-ерно, – вкрадчиво продолжил я. – Монограмма короля Барсиада II. И что, позвольте узнать, такая вещь делает в ваших, если можно так выразиться, угодьях?

– Ну так, видать по всему, валялась где-то, – пожал плечами вещун. – А откуда взялся, кто ж его знает? Мы люди тутошние, это каждый скажет. В чужие места не ездим, землетопством не промышляем, а уж чтоб вещь чужу скрасть, так это и вовсе ни-ни! За такие-то лихоимства и вышнего дара лишиться можно! Да и к чему в наших местах такая непутяща одежда?

– Пожалуй, что вам он действительно ни к чему, – согласился я. – Но ведь колпак-то ночью у короля на голове был!

– И чего? – искренне удивился кудесник.

– Деда! – вмешалась в нашу речь Оринка. – Гость наш исподволь толкует, что мы его величеству головенку оттяпали.

– Да ну, зипун тебе под язык! – ошеломленно замахал руками почтенный старец. – На что мне его голова?! Да и то сказать, не глухарь какой, король все ж таки. За такого лишь возьмишь – хлопот не оберешься! Выдуло, должно быть, тот колпак из окошка. Да так перекатом сюда и докатило. А здесь на ветку или корягу замотало. Тут-то ваш зверек ее и сыскал.

Проглот, словно чувствуя, что речь пошла о нем, радостно защелкал клювом и поднял хвост трубой, заставляя кисточку на нем развеяться точь-в-точь как на казачьем бунчуке.

– Если бы колпак катило по земле, – с мягкой, очень мягкой улыбкой начал я, – он был бы грязным, буквально черным. А он чистенький, как будто только что выстиран. Как вы это объясните?

– Ну дык... стало быть, его по воздуху несло! – нашел приемлемый ответ кудесник.

– Старый, в натуре, че ты буровишь? – взорвался не выдержавший долгой паузы Вадим. – От Елдина сюда в лесную чащу по воздуху?!

– Не крали мы колпака! – подхватывая тон подурядника, гневно выпалил дед Пихто, ударяя посохом оземь.

– Ты по кривой-то не съезжай! – не унимался мой горластый помощник. – На фу-фу вылезти хочешь, по мелочи уйти?! По краже личного имущества соскочить?! Ты нам конкретно, без базара, колись, старый, куда монарха подевал?

– Вадюня! – Я попытался осадить не на шутку разошедшегося витязя.

– А че? Я ж как лучше! – оглянулся на меня младший Ратников. – Че он нас в натуре за лохов держит!

– Умерь пыл! – негромко потребовал я.

– Не, ну прикинь...

– Это что ж, господа хорошие, гости дорогие, – настороженно, с явным сомнением в голосе, словно боясь поверить услышанному, проговорил дед Пихто, – выходит, что у нас не токмо колпак из государева терема похитили, а и самого надежу Барсиада?

– А ты че, этого не знал? – хмуро огрызнулся Вадюня, должно быть, недовольный моим либерализмом по отношению к главному подозреваемому. – Ты ж чисто тулил, шо имеешь прямую связь с самыми верхами! Что ж тебе вчера в утренних новостях весточку не скинули, мол, пропал центральной и вся его королевская кодла вместе с ним?!

– Стало быть, пропа-али, – покачал головой знаток вечных истин, теряя интерес к резкостям разбушевавшегося подурядника. – Вот ведь диво-то! Диво-то небывалое! Кому ж такое-то надобно?! Кто удумал да осмелился?

Мыслил партизанистый дедуган, прямо скажем, весьма быстро. Но, судя по тону, сам факт похищения занимал его куда больше, чем несчастная судьба венценосной пропажи. Что же касается королевской свиты, то ее исчезновение, кажется, вовсе не вызвало эмоций у божественного широковещателя.

Я только усмехнулся:

– Мы б и сами хотели об этом знать побольше.

– А вы, стало быть, на лиходеев тех, что государя похитили, ловитву¹ ведете?

– Можно сказать и так. – Я нехотя кивнул. – Если только его величество Барсиад II, вкупе с радниками и урядниками не исчезли сами собой, например, из-за неосторожного обращения с магическими предметами.

– Это навряд, – усомнился Вдохновенный Кудесник. – Кто б ему...

Речь старца была прервана появлением задержавшейся в чащобе феи.

– Ну что, уже собрались, добры молодцы, в дальний путь? – улыбаясь, довольно беззаботно поинтересовалась она.

Я молча показал ей усыпанный жемчугами церемониальный колпак.

– Во блин, сквозняком надуло! – прокомментировал находку новоявленный наследник престола.

– Вот так-так! – Сотрудница Волшебной Службы Охраны буквально выхватила залетный убор из моих рук, точно намереваясь обнаружить в нем пропавшего государя. Но, вопреки ожиданию нашей чародейственной подруги, грозный монарх не таился в складках охотничьего трофея. Только добычливый грифончик с радостным урчанием прыгал у ее ног.

– Вот оно как! Стало быть, что-то все-таки стряслось!

– Ты о короле? – не совсем понимая, о чем речь, уточнил я. – Пожалуй, что стряслось.

– Не то чтобы о государе, – покачала головой Делли. – Хотя, может статься, и о нем. Я тут с лесовиками толковала: не видали ли чего надьсь, не слышали ли?

– И что они? – заторопил я соратницу, досадуя, что блокнот для записей упрятан в глупой бине притороченного к седлу рюкзака.

– Все бы вроде ничего, – начала повествование фея. – Ни враг сквозь чащобы не крался, ни драконы верхом не шли, ни злыдни-псеголовцы в округе не озоровали, а вот Златовьюн Бурая Шапка отчего-то устранился, да как есть в землю ушел.

– А это че за хмырь? – с подозрением спросил Вадюня, судя по взглядам лесных хозяев, расписываясь в полном невежестве.

– Златовьюн-то? – переспросила Делли. – Он в общем-то из лесовиков будет, а все ж не чистых кровей, а иной какой породы. Более всего он схож с грибом-боровиком. Такой себе старичок в бурой шапке холмиком. Лесовики и сами не шибкие охотники пустые разговоры вести, а этот среди них и вовсе молчуном слывет.

– Что ж так? – поинтересовался я.

– Больно робок, – пожал плечами фея. – Уж до того осторожен – всякого шороха пугается! Зато и любую опасность за пять верст чует! А уж только почует – в землю шаст, и его как не бывало. Листочком дубовым прикроется, травичку над собой приклонит – в шаг проидешь, не заметишь! Но уж ежели по нраву ему кто придется, то старичок наградит щедро, не покусится: к жиле золотой путь укажет, к россыпи самоцветной, а то и к кладу позабытому.

– И как ему типа понравиться? – с наивным практицизмом спешно поинтересовался претендент на опустевший субурбанский трон.

– О том доподлинно никто не ведает, – недовольно буркнул дед Пихто, раздосадованный нездоровым интересом заезжего чужака к сокровенным лесным тайнам. – А сам он о том ни о чем не скажет.

– Постойте, – перебил я говоривших, возвращаясь к теме расследования. – Нынче за полночь обитающий в этих краях Златовьюн почуял какую-то опасность и ушел в землю?

– Так я уж о том сказывала, – кивнула фея.

– Вероятно, и колпак его величества той же ночью сюда попал. Очень похоже, что эти два факта связаны между собой.

– Ну? – вопросительно посмотрел на меня Ратников.

– Гну! Выходит, Златовьюн почувствовал то самое нечто, что утатило короля и его свиту. А значит, нам остается выяснить, что же именно он почувствовал.

– Пустая затея! – махнул рукой дед Пихто.

– Думаю, все-таки стоит попробовать, – самоуверенно прервал его я и, не откладывая в долгий ящик, попробовал. А мог бы и послушать умудренного годами человека, хорошо знающего местные нравы.

Найти Златовьюна Бурую Шапку удалось довольно быстро. Что и говорить, знакомство с лесовиками – вещь полезная. Но вот дальнейшее со стороны, должно быть, смотрелось весьма курьезно. Здоровый мужик, разодетый, как и положено сановному субурбанскому мздоимцу, лежит на земле и... уговаривает гриб, хмуро надвинувший на толстую ножку увесистую бурую шапку с прилипшим сухим листочком. Веско, аргументированно, вкрадчивым голосом, стараясь не обидеть, а уж тем более не испугать. То-то потеха!

Меня вначале мучило подозрение, что лесовикам ни с того ни с сего захотелось пошутить над гостями, и они привели нас к обычному, средних размеров, боровику. Однако, когда я, уже отчаявшись добиться результатов, поднимался с земли, под шляпкой на мгновение открылись два малюсеньких желтоватых глаза и моментально захлопнулись, поймав мой взгляд.

– Бесполезно, – развел руками я, вынужденно признавая истинность слов Кудесника.

– А может, его с ноги? – сочувственно качая головой, предложил Вадюня. – Че он в натуре запирается?

Я кинул взор на несговорчивого свидетеля и ошеломленно констатировал, что грибообразный молчун исчез, как растворился.

– Вьюном в землю ушел, – пояснила стоявшая близ Ратникова Оринка. – Кары вашей убоялся. Теперь отсель шагах в ста может объявиться. А может и целый день носу не казать.

– Угу, – раздосадованно мотнул головой я, понимая, что оставаться здесь дольше не имеет ни малейшего смысла. – Ладно, времени дожидаться, когда он вновь сюда пожалует, нет. Добедемся до столицы, а там будет надо – вызовем повесткой.

Признаться, я не совсем представлял себе, каким образом можно осуществить мою угрозу, но в подобных «задушевных беседах» последнее слово всегда должно оставаться за представителем следствия. Иначе у свидетелей может сложиться впечатление, что оперативник не контролирует ситуацию. А стало быть, и сотрудничать с ним дело небезопасное. Поэтому слова, обращенные к Златовьюну, были произнесены нарочито громко, чтобы слышал стоящий поодаль гражданин Нашбабецос, с ядовитой ухмылкой наблюдающий мои грибные поползновения.

– Все! По коням! – скомандовал я, отряхивая с колен приставший лесной мусор. – В столицу!

Дорога к стольному граду Елдину могла бы занять не более пяти, от силы шести часов, пусть мы своих чудесных скакунов во весь опор. Однако спешка спешкой, а мы решили не слишком гнать коней – отчасти, чтобы не гробить подвески об отсутствующие дороги, отчасти чтобы дать попривыкнуть новой спутнице к манере носиться по здешним городам и весям точно оглашенные. Но на самом деле больше для того, чтобы иметь возможность осмыслить происходящее.

У нас, сыскарей, есть то ли молитва, то ли заклинание, очень емко и точно отображающее отношение к высшим силам: «Бог не фраер – правду видит!» Не то чтобы Всевышний, в который раз убедившись в бессилии компетентных органов перед очередным железным глухарем¹, самолично снизошел до какого-нибудь райотдела, воплотившись во всевидящего оперуполномоченного, но, в предвечной мудрости своей, он заставляет преступника оставлять следы. Слава Всевышнему, следы остаются всегда. Найти их порой бывает нелегко, но уж на то ты и сыскарь, чтобы отыскивать то, что пытаются упрятать разномастные злыдни. А уж если отдел по надзору за исполнением заповедей божьих от щедрот посылает прямо под ноги следственной группе горящую, буквально еще дымящуюся улику, то это уж явная милость Господня, его промысел и, как говорится: «Правильной дорогой идете, товарищи!» Одно плохо, не сподобился Творец прицепить к ночному колпаку надежи-государя что-нибудь вроде пояснительной записки, мол: «Унесла меня лиса за синие леса, за высокие горы...»

Умные мысли порою приходят в голову без спроса и предупреждения, а потому их явление часто вызывает легкую оторопь. Вот, к примеру, как сейчас. Я вдавил до упора стремя тормоза, и мои проскочившие вперед соратники поспешили остановиться, силясь понять маневр сановного единца-следознавца.

– Делли, – задумчиво начал я, не давая вопросу сорваться с нежных уст феи. – А что в этих местах может летать, кроме драконов?

– Птицы, – пожал плечами сотрудница Волшебной Службы Охраны.

– Ну, это понятно. А из... как бы это так выразиться, монстров, обладающих высокой грузоподъемностью?

– Да мало ли кто! Гарпии, птицы Рух, кое-кто из сфинксов, хотя их, почитай, лет тыщу уже никто не видел. Грифоны вон, опять же. – Фея кивнула на застывшего у конских ног Проглота, и тот, радуясь, что речь вновь идет о его персоне, блаженно потянулся и принялся чесать лапой за ухом.

Я с сомнением поглядел на домашнюю зверушку. Конечно, во взрослом грифоне вполне хватает сил, чтобы поднять быка и отнести за тридевять земель, в неприступные горные ущелья, где обычно раз в пять лет появляются на свет собратья Проглота, числом не более трех. Но бык-то, понятно, туша хоть и массивная, однако тут, если сил хватит, уцепился да неси.

А как, спрашивается, ухватить толпу чиновного люда, к тому же преспокойно сопевших в две дырки порознь друг от друга на собственных перинах в своих особливых теремах? Тут даже если считать по три персоны на коготь, и то получается помесь грифона с сороконожкой, таскающейся ночью по субурбанской столице. Кроме того, получается, что этот монстр тщательно выискал господ мздоимцев во главе с королем Барсиадам согласно заготовленному списку, а потом, груженный, точно «Боинг», мчал их в неведомую даль.

Нет, грифоны не подходят. Разве что их сюда целая воздушная армия прилетела. Но такую-то армаду наверняка бы заметили. Поди, не каждый день по небу носятся десятки, а то и сотни мощнокрылых тварей! Народ бы об этом гудел, словно растревоженный улей, как минимум еще полгода, а уж сейчас... Однако все тихо! Стало быть, рубль за сто, ничего подобного не было.

Но ведь против фактов не попрешь! Нечто весь субурбанский высший свет одним махом уволокло и, почитай, никто, кроме робкого Златовьюна, этого не почувствовал и ничего подозрительного не заметил. Но раз это Нечто определенной видимой формы не имело, то, вернее всего, объект наших поисков проходит по категории преступников, которыми занимается Волшебная Служба Охраны.

– Нет, Делли, – с сомнением покачал головой я. – Грифоны здесь ничуть ни при чем, а уж тем паче птица Рух. У той лап вдвое меньше. Гарпии и вовсе отпадают, это ж тебе не барана с блюда украсть. Мне отчего-то кажется, что здесь не обошлось без магии. Причем определенно это не мурлюкский ширпотреб вроде смеси крылатого слона с пылесосом.

– Конкре-етно! – восхищенно пробасил Ратников. – Я типа вот тоже прикидываю, может, это опять наша ржавая бабуля в отрыв пошла?

– Дева Железной Воли? – уточнил я, силясь понять, что могло натолкнуть Вадима на эту мысль.

– Ну! – согласно кивнул ободренный всеобщим вниманием подурядник левой руки. – А че, в натуре, я вот Олеговой дочке сказку читал про то, откуда у кита во рту такая, ну, типа сетка. Так вот я и прикинул – ежели эта подруга, скажем, переделала кита, чтоб у него всякие бирюки в глотку проскакивали, а остальной народ, ну, чисто выпадал. А потом натравила конкретно этого монстра на Елдин-град. Он ночью там всплыл и всех, кого надо, в брюхо затасовал.

– Кит? – переспросил я, радуясь буйству фантазии соратника.

– Он! – подтвердил Вадюня.

– А колпак, стало быть, фонтаном в лес забросило. По дороге заодно и выстирало...

– Да, – после минутной задумчивости согласился могутный витязь. – Неувязочка тут получается. А так ничего, красивая версия!

– Зачем Деве Железной Воли похищать субурбанского короля со всем его двором? – с легкой укоризной глядя на претендента, готовящегося занять освободившийся местный престол, спросила фея.

– Я почем знаю! – насупился расстроенный крушением своего гениального прозрения Злой Бодун. – Может, типа решила обменять на что-нибудь ценное?

– Да кто же ей за короля с радниками и мздоимцами это «что-нибудь ценное» даст? К чему же они годны-то?

Вадим молча вздохнул, сознавая правоту слов нашей высокомудрой спутницы.

– Ну, положим, – поспешил вмешаться я, – годятся для чего-нибудь пропавшие фигуранты по этому делу или нет, нас не касается. В конце концов, двор мести большого ума не надо. Сейчас важно другое. Причем важно как для нашего мира, так и для этого. Люди без вести пропадать не должны! И я бы квалифицировал использование магии в подобных случаях, как умышленное преступление, совершенное с особым цинизмом. И если факт использования чародейских сил будет достоверно подтвержден, тут, Делли, тебе, как говорится, и карты в руки. Подумай, может, кто из вашего народа мог такую веселуху устроить? Или же

среди магов кто расстарался? Может, у кого-то имеется на руках волшебная галантерея повышенной мощности, к примеру: кольца, палочки, лампы с джиннами?

Фея медленно покачала головой:

– Из наших вряд ли кто на такое дело пойдет – ни к чему это им. Маги?.. Предположить, конечно, можно, но у мурлюкских имперских магов, как ты знаешь, Гильдии, в которых весьма сурово блюдут правила применения чародейской силы. А здешние чаклуны¹ и волшебники так рвутся в эти Гильдии вступить, что лишний раз и чихнуть боятся.

Я криво усмехнулся, представляя себе этакое профсоюзное собрание долгобородых старцев в колпаках и балахонах, усеянных непонятными значками, на котором адепты Тайного Знания, потрясая чудодейственными посохами, разбирают антиобщественное поведение очередного Черномора, с пьяных глаз отправившего дорогой перелетных птиц весь субурбанный бомонд. Картина, что и говорить, забавная, но, по всей вероятности, повестка дня подобной вселенской порки была бы доведена до сведения такой заметной фигуры Мирового Чародейского Сообщества, как Делли.

– А может, чисто кто из отморозков? – изо всех сил стараясь помочь фее, предположил Вадюня.

– Из Царства Вечных Льдов, что ли? – с недоумением глядя на витязя, уточнила потомственная чародейка. – Маги там не живут. Там слова на лету замерзают, а уж обледеневшей волшебной палочкой разве что шампанское помешивать можно.

– Не... Ну, по жизни... – пустился в объяснения Вадим, – это такие конкретные штуцера, которым все по барабану. Никаких понятий – чистые беспредельщики!

Не думаю, чтобы объяснение моего друга сильно помогло хранительнице Тайных Знаний уразуметь смысл сказанного. Но переспросить она не успела, поскольку в разговор корифеев бесцеремонно вмешалась дотоле сохранявшая молчание Оринка.

– Уж не прогневайтесь, что речи ваши прерываю, а только, по всему виду, погоня за нами.

– Какая еще погоня?! С чего ты взяла? – напрягся я.

– Ветер стук копыт да конский храп несет. А промеж тех звуков еще и кольчуги звенят да мечи бряцают. И то сказать, день белешенек, а вдали – точно филин ухает.

– Ничего не слышу, – должно быть, раздосадованная бдительностью своей юной конкурентки, дернула плечиком Делли. – Пригрезилось тебе.

Оринка упрямо мотнула головой:

– Вон и грифон ваш взволновался.

С этим утверждением спорить не приходилось. Длинные уши Проглота, довольно странно смотревшиеся на орлиной голове, поднялись шалашиком над пернатой макушкой, и кисточка выгнутого хвоста напряженно хлопала по дорожной пыли, точно пытаясь взбить ее до состояния пылевой завесы. Что и говорить, в отличие от феи, грифон не страдал приступами внезапной ревности.

– С чего бы это вдруг за нами погоня? – пробормотал я, оглядываясь в поисках убежища. – Кому вообще известно, что мы вернулись в эти края?

– Да мало ли? – скривился Вадюня. – Вон в прошлый раз мы Юшке-каану тоже по мозолям не ходили, а потом через полстраны в клетке, как попугаи, трусили. Чтоб его на новом месте так возили! Клин, ты че, в натуре задумался? Все путем! Ща газанем, и все свободны, – оценивая направление моих поисков, предложил он.

– Можем, – кивнул я. – Вопрос – зачем? Если это действительно за нами, хотя, честно говоря, не понимаю, с чего бы вдруг, то мы упремся в ворота Елдина, где тоже наверняка подготовлена соответствующая встреча.

– А может, это и не за нами вовсе? – радуясь возможности отыграться, предположила фея.

– Вот это я и хочу узнать, – кивнул я, направляя коня с дороги в ближайшую рощицу. – Погоня, может, и не за нами, но ведь зачем-то в сторону Елдин-града несется вооруженный отряд, да еще и с мурлюкской совой.

Я замолчал, прислушиваясь. Уханье несчастной птицы, стараниями захребетных чудомастеров превращенной в мигалку, доносилось уже вполне различимо, недвусмысленно давая понять всем встречным и поперечным, что следует немедленно освободить дорогу. Нам – так уж точно.

Не прошло и пяти минут, как кавалькада закованных в доспехи всадников появилась на дистанции прямой видимости, нещадно погоняя утомленных долгим галопом коней. Трехзубый символ единения бога Нычки со своим потомством на развевающихся лазурных пополах не оставлял ни малейших сомнений в официальном статусе облаченных в железо всадников. А знамя, реявшее над колонной, знамя с голубым хряком в золотом полотнище...

– Ядрен батон! – пытаюсь почесать надежно укрытую кольчужным хаубергом голову, пробормотал добрый молодец Вадим Ратников. – В натуре, че за понты! Опять Юшка-каан!

Глава 4

Сказ о камне преткновения

Как это обычно бывает с политическими новостями, известия о полном исчезновении правящей верхушки Субурбании оказались не вполне соответствующими действительности. Буквально на самую малость... но зато, черт побери, какую!

Глава союза кланов «Соборная Субурбания», в недавнем прошлом – правая рука короля Барсиада Растрепы и в то же время левая рука мурлюкского Генерального Майора, думный радник и могущественный владетель правого берега реки Непрухи, мчал по направлению к Елдин-граду в облаке пыли, способном замести небольшую пирамиду. Мчал верхом, что, принимая во внимание любовь вельможного Юшки-каана к комфорту и захребетным изыскам, само по себе говорило о многом. Расстояние между нами неуклонно сокращалось, и мы уже могли разглядеть золоченую конскую упряжь и развевающуюся попону с голубым хряком.

– Ну и как это понимать, Делли? – тихо проговорил я, указывая на главу бывшего субурбанского правительства. – Откуда взялся сей доморощенный отец народа и спаситель отечества?

Фея молча пожала плечами.

– От Великого Тына идет, – негромко, опасаясь, что ее могут услышать, проговорила Оринка, видимо, не совсем понимая суть вопроса. – Проезжий тракт-то здесь, почитай, один. Коли наших проселков не брать, то иным путем из чужедальных краев до стольного града и не добраться.

Мы не стали спорить с очевидным. Юшка и его эскорт действительно шли от Железного Тына. И этот факт немедленно ставил под сомнение миссию Вадима как единственно возможного наместника этих земель. Нравилось нашей работодательнице или нет, политический вес Юшки-каана был куда выше, чем у безродного подурядника левой руки, пусть даже ведавшего разведанием джапанских скакунов патрульной породы. Но если шансы могучего витязя Злого Бодуна усесться на древний престол Субурбании казались сейчас довольно хлипкими, то в моем расследовании намечался существенный прогресс. Одно дело – гадать, какая из диковинных тварей могла смести единым махом короля с его ближними и присными, и совсем другое – когда вдруг появляется чудом спасшийся первейший преемник королевского трона, со всей возможной прытью стремящийся занять еще не остывшее от царственного седалища кресло. Угадайте, кто тут будет первым подозреваемым?

– Интересное кино получается! – пробормотал я, вглядываясь в уже вполне различимые черты Юшки-каана. – Всех, значит, черти замели, а этот в погребке отсиделся!

– Может, вроде того типа случайность? – вставил свои пять копеек в беседу могучий витязь. – Мало ли че!

– Может, и мало, а может, и нет. Подобная случайность всегда подозрительна. Хорошо бы его прощупать. – Я задумчиво обвел глазами присутствующих. – Вопрос только как?

Ни мы с Вадюней, ни, по-хорошему, Делли для подобной роли не годились. Нас властительный каан помнил еще с прошлой нашей встречи, и воспоминания эти его, надеюсь, не радовали. Делли также была фигурой весьма заметной, чтобы не сказать, одиозной. Ее неоднократно видели при дворе в прежние времена, и статус сотрудницы Волшебной Службы Охраны соседнего государства в случае ее провала грозил колоссальным скандалом. Попытка скрыться под личиной тоже ни к чему хорошему привести не могла. Самого захудалого мага, какого-нибудь бакалавра, или как уж там у них это именуется, достаточно, чтобы почуять наведенные чары. Понятное дело, не каждый может это сделать, как природная фея, с такой дальней

дистанции, но уж наверняка возле любого входа в палаты претендента на трон Субурбании офицеров Магической Стражи будет предостаточно.

Между тем бряцавший железом кортеж Юшки-каана уже совсем поравнялся с нами. Я с болью в сердце понимал, что еще минута – и шанс незаметно проникнуть, как говорится, «в логово врага» будет утерян. Возможно, безвозвратно.

– Вы только слово молвите, и я к ним пойду, – тихо, едва сдерживая волнение, прошептала Оринка.

Я удивленно уставился на бойкую лесовичку. Мне отчего-то казалось, что я не высказывал вслух мысль о внедрении агента в структуру Юшки-каана. Ясные глаза внучки деда Пихто были чисты, как Байкал, и столь же незамутненно глубоки.

– Уйдут ведь, – заметив мое замешательство, с укором промолвила ведунья.

Я тупо кивнул головой, понимая, что никогда не привыкну к диковинным манерам местных жителей.

– Делли, – сконфуженно выдавил я. – Можешь остановить Юшку-каана?

– Могу, – не задумываясь, кивнула фея. – А зачем?

– Я тебя очень прошу, – оставляя ее вопрос без ответа, продолжил я. – Сделай так, чтобы его конь захромал.

– Пожалуйста. – Сотрудница Волшебной Службы Охраны в недоумении пожала плечами, подняла с земли мелкий буроватый камешек и, прошептав над ним что-то, точно уговаривая помочь нам, с силой запустила его в сторону дороги.

В сказках, которые мне читали в далеком детстве, кажется, ничего не говорилось об умении коренного населения волшебных чащоб читать мысли. А вот об их искусстве врачевания, будь то лесного зверья или же захожего путника, там писалось с завидной регулярностью. А раз это можно было считать установленным фактом, не использовать такой шанс было бы как минимум признаком непрофессионализма.

Я не видел, упал ли заговоренный камешек прямо под копыта драгоценного буланого жеребца, но стройные ноги благородного животного внезапно подломились, и он рухнул наземь, увлекая за собой горделивого хозяина.

– Жалко коняшку, – со вздохом прокомментировал увиденное Вадюня. – В натуре, ведь ни за что пострадала!

– За высокую идею, – огрызнулся я, чувствуя немилосердный, точно наждаком по ягодицам, укор совести, вызванный негуманным обращением с ни в чем не повинным животным. – На кону спасение местной государственности.

Между тем, как и следовало ожидать, кавалькада остановилась. Всадники, сопровождающие могущественного каана, стремительно бросились поднимать своего сюзерена, а я поспешил дать последние указания нашему «тайному агенту».

– Значит, так, спокойно идешь туда. Не мельтешишь, не нервничаешь, как будто прогуливаешься или, скажем, идешь по своим делам.

Девушка согласно кивала, не слишком тревожась по поводу готовящегося внедрения.

– Скауна вылечить сможешь?

– Отчего ж не смочь – смогу! Сызмальства этой науке обучена, – подтвердила мои догадки «шпионка».

– Вот и славно. Будут спрашивать: «Кто? Откуда?» – отвечай все честь по чести, мол, внучка почтенного мздоимца деда Пихто, идешь в столицу искать работу. Ясно?

– Как белый свет, – снова кивнула Оринка.

– Вот хорошо. Теперь следующее. Держи волшебное зеркальце. По нему ты сможешь в любое время связываться с нами. – Я протянул девушке полученный некогда от Делли чудодейственный предмет. – А вот это, – в моей ладони блеснуло нечто, похожее на булавку с довольно крупной головкой вычурной узорчатой работы, – носи всегда при себе.

– Тоже волшебство? – поинтересовалась юная разведчица, вертя в руках невиданный ранее прибор.

Делли тихо хмыкнула. Ей, проведшей уже немало времени в нашем мире, сей инструмент был не в диковинку. Но Оринку, в своей глухомани привыкшую к банальному прикладному волшебству, отсутствие исходящей от предмета магической энергии явно настораживало.

– Вроде того, – не вдаваясь в объяснения, согласился я. – Зовется микрофон. Все, что рядом с тобой говорить будут, мы немедленно услышим и, если понадобится, придем на помощь. И что особенно ценно, ни один чародей эту штуковину не учует, потому как чар тут не больше, чем в заячьем хвосте.

Оринка укоризненно покачала головой:

– Заячий хвост – известное чародейское средство. Не лапа, конечно, но тоже...

– Але, гараж! – перебил неожиданную лекцию Вадим. – Трындите больше!

– Что такое? – Я возмущенно обернулся к напарнику.

– Разуй глаза, Клин. – Ратников ткнул пальцем в происходящее на дороге. – Клиент уходит.

Слова Вадима были правдой. Суровой, бескомпромиссной правдой, точно слова некролога. Вельможный Юшка-каан, всего минуту назад картинно перелетевший через голову коня и к вящему нашему удовольствию изрядно прикоснувшийся к родной земле, стоял на ногах, тряся головой и потирая ушибленные места. Рук, для того, чтобы объять все полученные синяки и шишки, выдающемуся политическому деятелю Субурбании не хватало, но даже это, похоже, не могло задержать его на месте аварии.

В то время как оцетинившиеся клинками и самострелами всадники кортежа внимательно ощупывали взглядами округу, высматривая, не притаился ли где коварный недруг, один из стреманных властительного сюзерена правого берега Непрухи подводил нового коня. Еще через мгновение Юшка-каан, заботливо поддерживаемый услужливой челядью, вновь оказался в седле.

– Форчун мэтал, – невнятно прокомментировал увиденное Злой Бодун Ратников. – Улетный пассажир! Торопится, что голый в баню.

Точно стремясь подтвердить правоту слов моего боевого товарища, колонна всадников, не щадя коней, сорвалась с места в галоп, оставляя нашим планам незавидную участь судьбоносных решений ковырнадцатого съезда партии.

– Не, ну че за бляха муха?! Какое, блин, кидалово! – не унимался Вадим, вероятно, не желая растравливать мое уязвленное самолюбие, но попадая в цель с завидной меткостью.

– Ладно, – сквозь зубы процедил я, раздраженно глядя на дорогу. – Концепция меняется.

Облако пыли, поднятое мчавшимся вдаль конвоем, между тем осело на проезжий тракт, представляя нашим взорам картину, вызывающую уныние. Хромающий скакун, невинная жертва политических баталий, уже без заветной совы между ушами, но все еще покрытый роскошной золоченой попоной, понуро ковылял, припадая на ушибленную ногу. Рослый стреманной, тот самый, что недавно уступил хозяину собственного коня, вел несчастное животное в поводу, что-то нашептывая ему на ухо. Конь в такт его словам качал головой, точно соглашаясь с услышанным, и фыркал, досадуя на злосчастную судьбу. Идти до столицы было еще далеко-далеко и, вероятно, такими темпами молодцу до вечера было не управиться, однако не бросать же на дороге драгоценного жеребца.

– В конце концов, фатально ничего не изменилось. Конь наверняка стоит бешеных денег. Абы на чем Юшка ездить не будет. Оринка, отойди немного по дороге назад, а как выйдешь на тракт, ступай сюда как ни в чем не бывало. Дальше все по плану.

– Ну, типа ты странствующий ветеринар, – вмешался в разговор Вадюня.

Я бросил на него негодующий взгляд.

– Запомни: твоя цель – чтобы этот молодой любитель тяжелого металла... как он там у вас называется?

– Гридень, – тихо вставила Делли.

– Да, верно, гридень, по прибытии в столицу представил тебя своему хозяину, а уж тот, в свою очередь, записал в свиту. Справишься?

– Отчего ж нет? – простодушно кивнула девушка.

– Ну, тогда, раз, два, три... начали!

Оринка молча кивнула и почти бесшумно скрылась в ольшанике, надежно маскировавшем оперативно-следственную группу от бдительных взглядов каанской стражи.

– Ладно, теперь ждем.

Я обвел глазами наш поредевший, и без того немногочисленный отряд. Вадюня, казалось, весь превратился в зрение и слух, ожидая встречи «тайного агента» с вероятным носителем бесценной оперативной информации. Делли, пришедшая в бодрое расположение духа после ухода не в меру шустрой, по ее мнению, девицы, искала случая начать лекцию о первоочередных задачах временного правительства во главе с именитым мужем Вадимом Ратниковым. Проглот... Я в недоумении огляделся по сторонам. Господи! Куда опять помелась эта несносная тварь?!

– Делли! – Я ошарашенно принялся заглядывать под низкие ветки кустов, точно ретивый щенок грифона мог там прятаться. – Ты не видела, какой леший утащил этого маленького прожорливого мутанта?

– Нет, – озабоченно покачала головой фея. – Пару минут назад он еще лежал рядом с тобой.

– Может, его типа покричать? – не мудрствуя лукаво, предложил Вадюня. – Куда он там мог подеваться?

– Ага! Давай уж лучше сразу выйдем на дорогу, вроде как домашнего грифончика разыскиваем. Заодно и с мужиком познакомимся.

– Не стоит волноваться, – поспешила успокоить нас фея. – Сейчас поднимусь над лесом и посмотрю, где его носит.

– То есть как поднимешься?! – Я уставился на Делли с нескрываемым возмущением.

– Как обычно, – в свою очередь, не понимая сути моего вопроса, пожалла плечами чаровница. – Ты же видел, как я летаю. И в Гуралии на болоте, и у Русалочьего Грота. Неужели не помнишь?

– Я-то видел, а он? – Я ткнул пальцем в плечистого гридня, понуро ведущего за собой травмированного скакуна. – Ему о нашем присутствии знать совсем не обязательно.

– Да ну, Клин, в натуре, не усугубляй! – махнул рукой Ратников. – Может, у них, чисто, в это время года феи тут сплошняком косяками летают! Как это... – Он наморщил лоб и, вспомнив, радостно закончил: – Весенняя эмиграция!

– Миграция, – поправил я, не сводя глаз с дороги.

– Тс-с! Включай уши – Оринка идет.

Миловидная девушка легко, словно плывя над травой, двигалась по еще не остывшим следам умчавшейся в столицу колонны, напевая что-то себе под нос. Узелок с вещами на плече довершал ее сходство с одной из множества странниц, которые, порвав с родимым домом, направляются искать лучшей доли в большие города. Конечно, не пристало юной девице путешествовать без сопровождающих, но что уж тут поделаешь, когда по-другому не получается. Не случалось еще такого, чтобы город сам вдруг заявился в глухоманные субурбанские чащобы.

Я молча покачал головой, беря на заметку при случае подсказать Оринке, что у путника, прошагавшего спозаранку не один десяток верст, вряд ли будет такая легкая поступь. Но у служилого человека, похоже, на этот счет подозрений не появилось, да и общая физическая подго-

товка у выросшей среди лесов и буераков девушки была значительно выше средней. Услышав за спиной шаги, гридень обернулся, предусмотрительно кладя руку на эфес меча, но, заметив улыбающуюся ласковому дневному светилу девушку, коротко, с достоинством, как и подобает мужчине, к тому же старшему по возрасту и положению, склонил голову в поклоне.

– Здорова будь, красна девица!

– И тебе по здраву быть, добрый молодец! – Оринка приложила руку к груди, демонстрируя искренность своего пожелания.

Манера субурбанцев, путешествуя от села к селу, из града в град, приветствовать в пути всех знакомых и незнакомцев, приятно разнообразила долгие часы странствий. Когда же вот как сейчас землетопы двигались в одном направлении, да к тому же не слишком поспешно, как не завязаться непринужденной, довольно милой беседе, порою с весьма далеко идущими последствиями.

Дежурный обмен вопросами: «Куда, мол, направляетесь?» да: «Отчего в одиночестве?..» И слово за слово разговор начинал обретать приятельскую форму. Похоже, молодой придворный теперь был вполне доволен своей участью и отнюдь не пенял на судьбу за негаданную встречу.

– ...И тут этот валун, будь он неладен! Откуда б ему здесь взяться-то – ума не приложу? Конь со всего маху наземь кувырк! Юшка-каан с него кубарем!.. Добро еще шеи себе не поломали.

– Ай-ай-ай! – качала головой Оринка с такой непосредственностью, будто не была лично не только свидетельницей, но и участницей событий, предшествовавших падению гордого каана. – И что, хозяин-то ваш, не сильно ли побился?

– Не без того, ушибся малехо. А все же не так, чтобы и очень. А вот конь, бедолажный, ногу изрядно прибил.

– Ну, это горе еще не горе! – успокаивающе махнула рукой девушка. – Всякую рану заживить да заговорить можно.

– Вестимо, можно, – согласился гридень. – Да кто ж ее заговорит?

– Невелика печаль, – обнадежила его попутчица. – Я и заговорю. Что ж конику-то бедолажному страдать.

– Нешто умеешь? – с некоторым сомнением взглянул на нее молодой придворный.

– Я самого деда Пихто внучка! – не без гордости заявила начинающая разведчица. – Вдохновенного Кудесника! У нас в роду целительством всякий славится!

– Ишь ты! – восхитился ее собеседник, видимо, весьма уважавший всякую ученую премудрость. – Что ж, коли выходишь аргамака, так мы на нем до града Елдина в два счета домчим. Иным же случаем, почитай, и до вечерней зорьки не поспеем. Под открытым небом ночевать придется.

– Не придется, – заверила его Оринка, подходя вплотную к скакуну и легким движением кладя ему на лоб промеж ушей свою маленькую ладошку.

Уныло ковылявший конь тотчас замер как вкопанный, будто готовясь занять место в Музее мадам Тюссо, а Оринка, склонившись к его сбитой ноге, зашептала чуть слышно – так, что нам едва было различимо в наушниках.

– Девица-мартуница, чистая водица. Что утекло – назад возвратится. Камень – во прах, прах в живу, жива в тело. Развейся, хворь навья, стори боль явья, унесись ветрами в чисто поле за бел-горюч камень, за остров Буян, в Полканий край. Вплетись навеки в косу старого Тузла до крайнего дня, до урочного часа.

Уж и не знаю, насколько подобная магическая ветеринария была бы действенна в наших краях, но здесь, где феи являлись сотрудницами Волшебной Службы Охраны, а драконы с арбалетчиками на борту патрулировали рубежи великих держав, почему бы и не подействовать на конскую ногу этому бессвязному словесному потоку.

– Делли! – Вадюня задумчиво наморщил лоб, стараясь вникнуть в глубинную суть заклинания. – А вот чисто по жизни, что такое Полканий край?

– Погоди немного, – перебил я его. – Фольклор потом. Делли, скажи – это может подействовать? В смысле то, что кудесница наша вдохновенная сейчас мелет?

– Обязательно, – утвердительно кивнула фея. – Камешек-то был магический. То есть, по сути, его на дороге и не было вовсе. А всякая хворь, магией насланная, ею же и излечивается! Я задумчиво потер переносицу.

– Угу, значит, так, сейчас конь оклемается, и дальше они поедут верхом. Когда сладкая парочка скроется из виду, мы с Вадимом отправимся следом, иначе дальности действия радиомикрофона надолго не хватит. А ты, будь уж так добра, разберись, куда подевался наш маленький крылатый паршивец, и догоняй нас. Хорошо?

– Зачем ты его так? – мягко пожурела фея. – Грифоны животные умные, все-всешеньки понимают. Ну а если чего не так делают, как тебе о том думается, так ведь у них и природа другая, ничего тут не попишешь.

– Я ничего и не собираюсь писать, – с изрядной долей раздражения пожал плечами я. – В конце концов, на родину мы твоего реликтового умника вернули, а дальше, если он такой мозговитый, может и сам место под солнцем искать. Мы же вроде расследуем дело об исчезнувшей субурбанской элите, а не спасаем редкий биологический вид.

– Не то ты говоришь!.. – увещевающе начала Делли.

– Не, ну, а все же, – не дожидаясь конца перепалки, вмешался Ратников, – что это за приколы с Полканьим краем и косою Тузла?

– Видишь ли, – радуясь возможности переменить тему, пустилась в объяснения чародейка. – Тузл – это имя одного очень древнего колдуна, или, если хотите, мага. Помните, я вам рассказывала, как мы вкупе с драконами против нечисти железной боролись? Так вот – он из тех. В нем кровь – пламя драконье, тело – предвечный камень. А сила в нем, – фея печально вздохнула, – от нас. В сече злой он выстоял, сказывают даже, от чужаков Тайного Знания поднабрался. Так ли, нет, не ведаю, а вот что злобы бездушной он из их котла хлебнул, так это всякому зрячему видно. Как звать его, никому доподлинно знать не довелось. Тузл же не имя, а так – прозвание, ибо многим людям мнилось, что стоит он по ту сторону обыденного, человеческого зла.

– Повремени с легендами. Вадим! – окликнул я напарника. – Пора по седлам. Глянь-ка, у коня уже, похоже, все, что надо, куда надо вплелось и развеялось.

– Да ну, в натуре дай дослушать, – отмахнулся Ратников. – Куда они, на фиг, денутся? У микрофона радиус действия – два кэмэ. Пусть себе едут! Мы в натуре им аккуратнo на хвост пристроимся. Ну, а че дальше-то было?

– А чему уж тут быть? – усмехнулась фея. – Как я уже сказывала, дело это в стародавние времена случилось. Еще до той поры, когда меж людьми и магами вечный мир положен был. Как ныне говорят, веки Трояновы. Много в те годы Тузл людей погубил всякого имени и звания. А его ни меч, ни копье, ни стрела каленая не брали. Ибо сила в нем была ярая да неумная. А таилась сила эта в косе.

– Это че, типа смерть с косою? – заворуженно предположил витязь.

– Да нет же, – усмехнулась фея. – По виду обычнейшая коса, из волосьев, только длинная очень. Он, сказывают, свои патлы от первого мига растил да берег. Но и на него укорот сыскался. Пришел некий витязь, схватился с Тузлом в смертной, яростной схватке...

– А! Ну, чисто китаец! – радостно кивнул Вадим. – Там один хмырь такой вот косою пеньки в труху расшибал.

Заливистый свист, от которого через мембрану приемника закладывало уши, едва не свалил нас наземь.

– ...А-а-а! Держи их! Лови! Не выпускай! Сети набрасывай! – послышалось в наушниках сквозь милый треп Оринки и незадачливого гридня.

– Н-да, похоже, концепция опять меняется. – Я обвел взглядом свой крошечный отряд и, поудобнее обхватив ладонью рукоять резиновой булавы, скомандовал: – По коням!

Глава 5

Сказ о том, что худой мир лучше, чем полный ататуй

Утробы синебоких «ниссанов» взревели на форсаже, и обломки веток, сбитые их мощными железными торсами, разлетелись во все стороны, пропуская волшебных скакунов на проезжий тракт. Хотелось верить, что заигравшемуся грифону было хорошо слышен знакомый с детства звук работающих двигателей и что он заставит его наконец бросить очередные безобразия и помчаться вслед за нами. Если нет – нам оставалось лишь запомнить место и, по возможности покончив с очередными приключениями, организовать поиски домашнего любимца.

– Вперед! – погонял я коня, раскручивая шипастую палицу, до недавних времен еще имевшую вполне резиновые форму и содержание.

– Замочу! – в тон мне орал Вадюня, потрясая острием перевоплощенного «мосберга».

Этот весьма странный боевой клич гулко раздавался над дорогой, заставляя нечаянного слушателя всерьез задуматься о цели грядущих боевых действий. Черный Феррари Делли, подгоняемый, кажется, ее летальными, вернее, летательными способностями, стремительно обогнав наших железных коней, вынесся на вершину холма, с которого дорога спускалась вниз, и, попятившись, замер.

– Тише! Осадите назад! – Еще секунда, и наши чудесные скакуны замерли у самого гребня поросшей лесом высоты.

Вид, открывшийся отсюда, без лишних вопросов объяснял странное поведение феи. Низина, в которую спускалась утоптанная, покрытая глубокими колеями дорога, была заполнена всадниками. Их было куда больше сотни, и посреди этой вооруженной толпы, точно единственная свечка на праздничном пироге, красовался жеребец, покрытый золоченой попоной. Судя по открывшейся нам картине, схватка была уже окончена. Оринка и ее спутник, крепко связанные, лежали на земле, а суетившиеся разбойники, если только это были разбойники, оттаскивали в сторону валявшиеся по обочинам тела собратьев. Одни из поверженных врагов были покрыты кровью, другие же – и таких было большинство, держась за головы, катались по земле так, будто тщились оторвать от шеи надоевшие болванки для шляп.

– Кажись, болиголов слотнула, – тихо пояснила Делли, не спуская глаз с безрадостного пейзажа. – Слотнула да навь вокруг себя навеяла. Ей бы молока из одуванчиков выпить, чтоб самой не захворать, а она вона как. Не успела, должно быть.

Объяснение феи, на мой взгляд, не слишком проясняло обстановку. А главное, значительно больше, чем причина внезапного падежа среди разбойников, меня интересовал вопрос чисто криминалистического характера.

Насколько я знал по опыту работы в уголовном розыске, любое умышленное преступление предполагает наличие строго определенного контингента участников. Так сказать, четко прописанных ролей, будь то шестерка на стреме, наводчик или же забившийся в глухую щель скупщик краденого. Разбойные нападения – не исключение в ряду прочих злодеяний. Предположить, что этакую уйму вооруженного сброда, судя по выезде, отнюдь не новичков, собрали здесь воедино с одной лишь целью – перехватить одинокого всадника с его спутницей, – значит ничего не разумеешь в психологии разбойного люда. А если разумеешь, то неминуемо возникают вопросы. Первое: какова бы ни была добыча, делить ее придется на целую толпу головорезов. А с нашей парочки и добычи-то – как с поросычьего пятака сдачи. Второе: столь крупное кавалерийское подразделение требует постоянных финансовых вливаний, и немалых. На подножном корму оно долго не выживет. А если будет промышлять по мелочевке, как сейчас, то большая часть банды просто разбежится, а меньшая вздернет нынешнего атамана и выберет себе другого. Что-то здесь не так.

Между тем связанных, опутанных сетями пленников волоком тащили прочь от дороги куда-то в подлесок. Вадюня, играя желваками на широких скулах, неотрывно следил за слаженными действиями вооруженных до зубов подорожников, нервно сжимая и разжимая пальцы на цевье своего «копья». Даже принимая в расчет наличие феи, подкрепление из нас сейчас было не ахти какое. Погибнуть с честью или же оказаться рядом в путах – невеликая помощь. Между тем невнятные шумы, перемежающиеся короткими окриками команд в наушниках, сменились вначале полным молчанием, а затем резким звуком низкого повелительного голоса.

– Это они?

– Они, хозяин, – подобострастно заверил его невидимый отсюда некто.

– Кто такие?

– О том мне неведомо. На этом вот красавце жупан золоченый с синим вепрем. Не иначе как из свиты Юшкиной ухарь. Да и конь под ним – как бы не самого...

– О том я и без тебя знаю, – нетерпеливо перебил собеседника неведомый атаман. – А девка чья?

– Может статься, что витязя, – предположил неуверенный докладчик. – Кто уж такая – не ведаю. По всему видать – чародейского корня. Вкруг нее огольцов наших с десятков головной болью покрючило. Да еще этот размахай дебелый двоих в сырую землю сложил да Лихохвату голову раскроил. Хорошо еще еловец! удар сдержал, токмо промялся!

– Экая незадача! Столько-то пройти, чтоб в глупой драке неведомый размахай голову проломил. Ну да славно, что жив остался, а там уж ты, Фуцик, на то и маг. Ты мне его и выходишь.

– Хозяин! Да я ж что ж? Я ж маг боевой! Ну, там навь развеять, стрелы отвернуть, в личину облечь. А лекарский промысел не по мне. Разве что кровь заговорить...

– Не по тебе, гришь? Ну, вестимо, не по тебе. Это ж ты нам вечор указал, что каан нынче в полдень здесь поедет...

– Так звезды о том говорили, – скороговоркой начал оправдываться проштрафившийся чернокнижник. – И сокол ласточку с самого зениту бил. И вот еще Хавронья, ну, свинья-то наша, аккурат к двенадцатой миске пошла.

– Ты мне, пес шелудивый, зубы не заговаривай, не то я тебя, что тот сокол, по маковке перначем тюкну! И Сам не спасет! Куда Юшка подевался?!

– Не ведаю, – уныло сознался Фуцик. – Может, он о том знает? По всему ж видать, из свиты его гридень.

Должно быть, разбойничий маг указал на лежавшего в беспмятстве стремленного. Впрочем, после всего услышанного язык уже с большим трудом поворачивался причислить неведомых дорожных перехватчиков к сословию лесных разбойников. Скорее уж они напоминали одну из тех многочисленных банд, которые носились по лесам и степям под разноцветными знаменами разномастных атаманов в годы далекой гражданской войны нашего Отечества. Но, по моим наблюдениям, гражданская война в Субурбании еще не намечалась. Хотя кто об этом сейчас мог сказать наверняка? А стало быть...

Мои размышления прервал знакомый перезвон. Такой звук издавало чудесное зеркальце в момент вызова.

– Изыди! – грозно скомандовал разбойничий вожак своему без того перепуганному магу.

Судя по звуку ломаемых веток, его приказание было выполнено со всей возможной стремительностью, поскольку с последней трелью вызова интонация отчаянного грозы лесных дорог изменилась почти до неузнаваемости.

– Да, ваша первостатейность. С великой нашей радостью.

Слов его собеседника не было слышно, и оставалось лишь гадать о сути разговора по обрывкам долетавших до нас фраз.

– ...утек, леший ему на загривок! Уж мы тут бились, аки звери дикие. Моих с дюжину полегло, а Юшкиных и подавно три дюжины. Полон взяли, коня из-под него добыли, а сам, бестия, ужом, как есть, утек!

Ответ «первостатейности» был не слышен, но понять его суть оказалось делом несложным.

– Не велите казнить... – залепетал крутой пахан. – Тотчас же погоню наперехват отрядим. Уже отрядили. Слушаю-с. Все уразумел. Поутру, как ворота откроют у вас. А с пленными что повелите делать? Умертвить? Как прикажете. В лучшем виде-с.

Я угрюмо поглядел на Ратникова. Неразличимый магическими средствами микрофон, закрепленный на Оринке, работал безупречно, и мой сановный напарник слышал все, что происходило в лесной чаще, не хуже, чем я.

– Сегодня ночью, – то ли спрашивая, то ли, наоборот, отвечая на мой немой вопрос, тихо проговорил он.

– Эй, сюда поди! – вновь раздался в наушнике властный атаманский голос. – Завтра поутру со мной поедешь. А сейчас отправь людей прочесать дорогу, остальным возвращаться. Да прикажи, чтоб раздобыли подводы, раненых везти.

– Как пожелаете, – поспешно выпалил Фуцик. – А с этими что делать?

– Есть высокое мнение, что их след умертвить.

– Так, – неуверенно проговорил боевой маг, – оно ж кликнуть кого, или же...

– Ох и всыплю я тебе когда-то за неразумность твою непутевую! Ты ж сам, балда колдовская, сказывал, что лекарским премудростям не учен, а девка, как есть, ведунья. Умертвить-то ее, поди, дело плевое, всегда успеем. Но Лихохвата на ноги кто ставить будет? Ты, что ли, лешачий выродок?

– Да-да-да! Понимаю-понимаю-понимаю. Ее, стало быть, под замок, а его...

– И с ним не торопись. Оно, глядишь, еще сгодится. Как уж там завтра дело повернется – поди, гадай. Ну а уж если что не по ладу станется, то, глядишь, и придется добру молодцу кому след за нас словечко молвить. Ну, че стал, точно идол каменный?! Чай, ноги-то не вкопаны! Ходи бегом. Неча молодчикам на большаке без дела ошиваться. Эх! Нычка не выдаст, тодорцы! не окопытят!

Командный голос в наушниках стих. Зампомаг, не ожидая дальнейших указаний, бросился выполнять распоряжение высокого начальства. Я, почесав булавой затылок, вопросительно поглядел на свою команду.

Как замечательно все представлялось, когда мы пересекали границу Субурбании! Торжественный въезд исполняющего обязанности государя в столицу, самые широкие полномочия, полноценное сотрудничество с местными органами внутренних дел и спецслужбами, поддержка Груси. А тут – нате, здрасьте, наземь слазьте! Не успел я заподозрить Юшку-каана в коварном заговоре против собственного государя, как выясняется, что и против него самого кто-то весьма серьезно злоумышляет. И этот кто-то сидит в столице и, судя по всему, обладает немалым влиянием, раз осмеливается бодаться с главой Союза Кланов.

– Сюда конкретно едут, – выводя меня из задумчивости, проговорил Вадюня. – Ну че, завалим отморозков?

Несколько всадников поднимались на холм, очевидно, направляясь за подводами.

– Нет, погоди. – Я с усмешкой поглядел на Делли. – У меня тут одна мыслишка появилась. Сойдем с дороги.

Скрип колес, позвякивание сбруи и стук копыт неспешных крестьянских лошадок доносились все ближе. Не знаю уж, что там напрозорчили звезды боевому магу, но нам выпало целый день сидеть, притаившись в кустах у дороги, созерцая передвижение конных и пеших, едущих на гужевом транспорте в древний град Елдин. И, понятное дело, из него. Банда неведомого

бабки уже давно отбыла в неизвестном направлении, оставив для охраны раненых и пленных с десятков головорезов. Считая с той полудюжиной верховых, которая сейчас неспешно рысила впереди телег, – шестнадцать. Толпа, конечно, поменьше, чем в момент схватки, однако я – не сказочный герой. И Вадюнину голову, хоть он у нас в натуре витязь, тоже подставлять резону нет. А кроме того, к чему все эти партизанские штучки? У кого же еще получить информацию о заказчике преступления, как не у непосредственного исполнителя. Для этого надо подойти к нему вплотную и найти весомые аргументы, чтобы заставить говорить на заданную тему. А валить всякий мелкотравчатый сброд по кушарям – дело хлопотное и малоэффективное. Сейчас к главному подобраться бы.

– Берем последнюю телегу, – тихо скомандовал я, когда подводы начали неспешно, одна за другой, спускаться с холма.

Делли молча подняла руки. Взгляд ее стал леденяще-холодным но, слава Богу, он был обращен не на нас.

Подобную картинку я уже видел прежде в отеле «Граф Инненталь», когда несколько чересчур усердных стражников пытались задержать одну весьма занятную особу, выдававшую себя за герцогиню Бослицкую.

Возница с помощником замерли на полупhrазе, точно впад в летаргию.

– Пошел! – Мы с Вадимом сорвались с места и устремились к повозке.

На селян, правивших незамысловатым экипажем, это не произвело ровно никакого впечатления. Покачиваясь в такт конскому шагу, они не обращали внимания ни на гостей, ни на то, что запрыгнувшие в телегу незнакомцы как две капли воды похожи на них самих. Дальнейшее не заняло и пары минут.

Оба возчика были брошены на дно телеги и закамуфлированы сеном. Конечно, маскировка оставляла желать лучшего, и, наткнись разбойники на припрятанные в повозке тела временно обездвиженных оригиналов, нам бы долго пришлось доказывать, что это всего лишь пилоты сменного экипажа. Впрочем, кто бы стал нас слушать?!

Но, как мы и предполагали, погрузка раненых не слишком заинтересовала разбойников, видимо, считавших ниже своего достоинства заниматься переноской корчащихся от нестерпимой боли тел. К сожалению, Оринке и ее спутнику, ввиду особой ценности, была выделена отдельная подвода. Нам же пришлось грузить стонающих романтиков с большой дороги, сраженных в валежник насланным кудесницей недугом.

Бичи взметнулись над конскими спинами:

– Но! – Неспешные телеги «скорой помощи» тронулись с места, сопровождаемые конным эскортом, в загадочное логово разбойного атамана.

Вечер обещал быть нескудным. Скрытое проникновение в чужие жилища противозаконное, но, увы, практически неизбежное деяние в работе частного детектива. Действуешь на свой страх и риск, прекрасно сознавая, что в случае оплошности хозяин дома вполне может обратиться к твоим недавним коллегам, и никакая лицензия не спасет тебя от справедливого и законного возмездия.

В данном случае обращения разбойного атамана в правоохранительные органы, пожалуй, можно было не опасаться. Но, как по мне, так уж лучше бы этот потрошитель чужих обозов к ним воззвал.

Мы в молчании двигались вперед. Время от времени Вадюня начинал бубнить себе под нос какие-то малоприятные замечания по поводу системы управления гужевым транспортом, но его слова не находили отклика у пассажиров, и он вновь умолкал, сосредоточенно глядя на ухабистую дорогу. Разбойники, сопровождавшие подводы с ранеными, негромко переговаривались между собой, и я, свесив голову на грудь, чтобы выглядеть дремлющим, напряженно вслушивался в их незамысловатые речи.

– И на что он хозяину сдался? – лениво поигрывая плетью, говорил чубатый душегуб, имея в виду, насколько я понял из его предыдущих слов, улизнувшего из-под носа Юшка-каана.

– Дикий ты, Микола. Как есть – дикий! – качал головой рысивший бок о бок с ним бородач в шитой козым мехом вовнутрь гуральской свитке. – Из каких краев-то Юшка-каан ворочался?

– Ну так вестимо из каких – из захребетных.

– То-то же, что из захребетных. Из самой Мурлюкии! А поговаривают, что наш Юшка через женку свою ихнему Генеральному Майору не то брат, не то сват. Короче говоря, сродственник.

– Да уж, свезло лядаку¹. Почитай, из полной колоды рутерку² вынул. Ну да нам-то с того что? – покачав головой, поинтересовался Микола.

– А то, что Генерального мурлюкского Майора, как бают сведущие люди, покусала муха замедленного действия.

– Кто?! – с заметным испугом переспросил первый разбойник.

– Тс-с! – Его бородатый собеседник для проформы обернулся, но, не сочтя достойными внимания забитых селян-возчиков, продолжил, не понижая голоса: – Мне по секрету сказывали, что в далеком-далеком Сливном заливе есть дикая, но богатая страна Икраб. До недавнего времени ею правил страшный и ужасный, не чета нашим, султан-мултан Агдам Бассейн. Этот злой демон во плоти задумал покорить весь свет и, представь себе, так это тщательно скрывал, что даже соседи об этом ничего не знали. А он, охаверник, велел своим ученым джиннам, это вроде нашего Фуцика, смайстричить ему такое оружие, чтоб не было от него защиты ни под броней, ни под плащом, ни в огненном кругу. И вот, представь себе, посреди безводной каменной пустыни вывели эти чертовы выродки муху замедленного действия. Крошечная она, простым глазом и не увидеть! И что, главное, жабья сыть, вытворяет! Вокруг головы всякого пришлого кружит, кружит и жужжит так мерзко, тоненько. Иные ее даже ухом не слышат, а душой чувят. И уж кого она облюбует – тот навсегда умишком скорбный становится. Не дружит больше с головой, что ты тут ни делай! Хоть кол на башке ему теши, хоть на кол этого самого усаживай! А уж коли муха эта вдруг кого укусит, так и вовсе беда. Покусанный то улыбается не к месту, то морозит невесть что, а то и вовсе на людей бросается. Того и гляди, сам цапнуть может!

– Э-экая незадача! – заворожено вздохнул чубатый. – Ну а нам-то с того что?

– Ну так ведь, когда Генеральный Майор о том прознал, он мурлюкскую рать супротив Агдама Бассейна без всякой робости двинул и, как водится, изжил клятого супостата в один присест и один привстав.

– Так хвала ему за то и ото всех краев низкий поклон.

– Ну, поклон-то поклон, а беда в том, что, по всему видать, муха Агдамова его таки укусила. А от него зараза, как сказывают, прямиком Юшке-каану передалась. Сразу-то ее, может, и не различишь – на то она и замедленного действия. Ну а вдруг как мор по всей земле субурбанской пойдет? Кто ее, эту хворобу, знает?! Может, от нее с единого чиха слечь можно?

– Так, стало быть, хозяин затем и решил каана заарканить, чтоб, Нычка упаси, моровое поветрие от него не пошло?

– А то как же? – согласился, вальяжно поглаживая бороду, умудренный жизненным опытом рассказчик. – Санитар он нашего леса!

Я едва удержался от предательской ухмылки. Подобное объяснение банального налета, признаться, мне было внове. Да и мысль о том, что благодаря усилиям пресловутой мухи влиятельный глава Союза Кланов может прослыть буйнопомешанным, наводила на размышления. Кто-то хорошенько потрудился над тем, чтобы убрать с поля могущественного соперника, и,

готов поспорить на что угодно, таинственный Некто, придумавший всю эту операцию, отнюдь не лесной санитар, как простодушно полагал давешний разбойник.

Телеги свернули с большака на проселок, а затем на лесную тропу, едва-едва проезжую для подвод. Нам то и дело приходилось уворачиваться от свисающих тонких ветвей, на которых то здесь, то там виднелись небольшие, но весьма звонкие медные колокольчики. Как ни старались возчики и верховые проехать, не зацепив припрятанные среди листвы темные бубенцы, перезвон, разносившийся над округой, наверняка заблаговременно оповещал неведомых хозяев о приближении гостей.

Наконец среди ветвей замелькала темная каменная кладка, а вслед за тем на ближайшей поляне нашим взглядам предстало мрачное строение, когда-то, вероятно, считавшееся охотничьим замком. На мой взгляд, проект был не слишком удачным. Ров с покосившимся частоколом на берегу, массивные четырехугольные башни, угрюмо высившиеся над шестиметровыми стенами, еще более унылый тощий донжон – все это мало походило на уютный, тихий уголок, устроенный для отдохновения души какого-нибудь вельможи. Но и военное значение этого лесного отшельника было весьма ограничено.

– Клин, – тихо проговорил Вадюня. – Я тут чисто прикинул – полторы сотни жлобов в этом курятнике не поместятся. Они прямо друг у друга на голове сидеть будут.

Я молча кивнул. Что и говорить, старая крепость родного Кроменца выглядела куда как импозантнее, но главное, что, проведя детские годы в ее башнях и куртинах, и я, и Вадим вполне ориентировались в архитектуре подобных сооружений.

Ехавший впереди колонны всадник спешил к подъемному мосту, вернее, к тому месту, где он должен был бы находиться. Каменная сторожка была пуста, лишь колокол размером с ведро уныло свисал с перекладины под самой крышей, оставляя всем желающим потревожить не слишком гостеприимных хозяев возможность трезвонить на свой страх и риск.

Командир нашего конвоя ухватился за свисающую с языка колокола узловатую веревку, и набат, загудевший над чашей, заставил обитателей замка уделить внимание приезжим. Меж зубцами надвратной башни мелькнуло чье-то лицо, затем мост с жутким скрежетом начал опускаться, пугая непривычных к подобному звуку и виду крестьянских лошадок и заставляя возчиков натянуть вожжи, чтобы не дать своей нервной скотине бежать без оглядки от столь неуютного места.

– Делли, – бормотал я, наклоняясь к закрепленному в рукаве микрофону. – Въезжаем в замок. За мостом ворота с двумя засовами. Один в полсажени от земли, другой – примерно на аршин выше. Засов деревянный. На полтелеги за воротами опускается решетка. Сейчас она поднята. Возможно, ее опускают на ночь. Двор прямоугольный. Примерно пять на десять саженей. Стражи на стенах не видно. А, нет! Вон два человека играют в кости.

– Тпру! – раздалась команда начальника конвоя. – Слезайте с козел, начинайте разгрузку. Да поласковой, не дрова, чай, грузите! Смотрите мне! – Разбойник продемонстрировал обутый в перчатку кулак, напоминающий средней величины коровье копыто. – Шкуру спущу!

– Куда раненых-то? – слышалось с одной из телег.

– Вон, сенник под стеной видишь? Туда и волоките, – через плечо бросил разбойник, отправляясь, должно быть, за новыми указаниями.

– Вадюня, работаем! Не забудь оторвать хозяев. Пусть изображают спящих, пока мы здесь будем восстанавливать конституционный порядок. Когда ноги сделаем, все вопросы к ним.

– Клин, а наши...

– Не вопрос. Смотрим, куда их поведут. Делли, – проговорил я еле слышно, для проформы запуская пятерню в шевелюру, точно обдумывая, как поухватистее взяться за транспортировку бессознательной разбойничьей братии, – народу в замке, похоже, немного. Не считая раненых, пожалуй, всего человек тридцать – тридцать пять. Работаем по плану. И еще... мы на тебя очень надеемся.

Глава 6

Сказ о чистосердечной помощи следствию

Раненые и сраженные головной болью разбойники уже отдыхали на сеновале, нуждаясь в уходе, вернее, в приходе врача, а Оринка со своим отважным спутником все еще находились на прежнем месте во флагманской телеге. Наконец на высоком крыльце донжона показался некто в балахоне, торчащем из-под кирасы. Его округлая голова, покрытая несуразным колпаком, вся его нескладная нелепая фигура выглядела скорее шутовской, чем устрашающей.

– Этих тащите наверх! – прокричал он, стараясь придать голосу мощное звучание. Прямо сказать, получалось не слишком удачно.

– Фуцик, – негромко бросил я Вадиму, узнавая слышанный недавно голос.

– Это я просек, – кивнул Злой Бодун Ратников, спрыгивая с телеги. – Сходим типа подсобим.

Возница и его помощник, восседавший на козлах первого, вероятно, самого комфортабельного возка, засуетились, стараясь аккуратно поднять израненного стремленного. Не говоря ни слова, могучий витязь Злой Бодун Ратников подошел к повозке и протянул руки к Оринке.

– Куда прешься, Трифон? – беззлобно, но с явным неудовольствием прикрикнул возница.

– Ишь, охальник! – осуждающе покачал головой его помощник. – К девке руки потянул! Ужо погоди – все Глафире порасскажу.

– Так надо, – не разжимая зубов, процедил Вадюня, кладя свою немалую пятерню на плечо возчика и запуская большой палец в шею чуть выше ключицы. Глаза у бедолаги распахнулись неестественно широко, рот от боли и ужаса открылся и тотчас захлопнулся.

– Слово вякнешь – удавлю!

– Мы поможем, немного поможем, – стараясь улыбаться как можно благодушнее, произнес я, отодвигая возницу и перекидывая руку гридня через свое плечо.

– А-а-а, насчет оплаты?

Незамутненная крестьянская душа мобилизованного возчика безропотно могла стерпеть службу бандитам, прямое неприкрытое насилие над собой, но оплата – дело святое! Ибо сказал Бог Нычка: «За все воздам!»

– Не бойсь, перетрем в лучшем виде, – обернулся Вадим, легко поднимая на руки тоненькую, словно утренний лучик, девушку.

Что и говорить, я видел разбойников, пострадавших от ее чар. Это были крепкие мужчины, по всему видать, не склонные к дамским мигреням.

Возможно, в первый раз в жизни голова у них болела не с перепоею, а так, вдруг, ни с того ни с сего. Сейчас все они лежали в полубессознательном состоянии, с холодной испариной на лбу и закатившимися от боли глазами. Но, кажется, юной кудеснице было еще хуже, чем им.

– Следуйте за мной! – гордо изрек Фуцик, поворачиваясь к нам спиной.

– Как прикажете, – подобострастно затараторил я, удобнее перехватывая раненого пленника и помогая ему ступить на лестницу. – Не извольте беспокоиться.

– Оришенька! – тихо, склоняясь к самому уху, шептал Вадим. – Ты, чисто, как? Это в натуре я, Злой Бодун. Слышишь меня?

– Фляга, – одними губами прошептала внучка деда Пихто.

– Клинь, слышь, она какую-то флягу спрашивает.

– О чем вы там переговариваетесь? – недовольно кинул боевой маг, налегке поднимавшийся впереди нас по винтовой лестнице.

– Да тут девка пить спрашивает, – поспешил ответить я и добавил, но уже значительно тише: – Что за фляга?

– Клин, а я, чисто, почему знаю?

– Молоко из одуванчиков, – делая над собою немалое усилие, пробормотал стремленной. – За кушаком.

Ну да, конечно, теперь все стало на свои места. Еще утром Делли говорила, что нейтрализовать действие болиголова может молоко, добытое из цветов одуванчика. То самое, которое образуется на сломе зеленого стебля майской порой. Интересно, сколько же цветов нужно изломать, чтобы набрать целую флягу этого белесого сока?

Я остановился и начал старательно ощупывать кушак, опоясывающий крепкий стан гридня. Сплетенный из бересты флакон, который мне удалось там обнаружить, язык не поворачивался назвать флягой, но, судя по виду жидкости, в ней находившейся, мои поиски увенчались успехом. Вероятно, перед началом схватки Оринка успела передать этот сосуд воинственному спутнику, чтобы головная боль не сразила и его. А вот вернуть антидот¹ обратно стремленной, вероятнее всего, не успел.

– Ну! Куда вы там подевались? – раздался сверху недовольный окрик Фуцика. – Ишь, увальни неживые!

– Так тяжело ж поди тащить! – жалобно посетовал я, передавая противоядие Вадиму.

– Давайте-давайте! Нечего баклуши бить! – радуясь случаю покомандовать, прокричал маг-недоучка. – Не то сейчас враз в земляных червей превращу!

– Помилосердствуйте! – истошно взвыл я, с умилением глядя, как Вадюня подносит к губам девушки заветную флягу.

– Давай, Ориша, пей! Выздоровливай скорей.

– Идем-идем, – поспешил я успокоить «грозного чародея», заждавшегося нас в конечной точке маршрута следования. – Эх у вас тут темно! И ступеней-то не разглядеть.

– Превращу! – еще раз пообещал войсковой колдун.

Пожалуй, как следовало из собственных признаний Фуцика, превратить человека во что бы то ни было ему не по силам. Но ведь в данный момент я числился темным селянином, а не одиноком-следознавцем. А стало быть, подобная осведомленность была мне совсем не к лицу. Потому, убедившись, что взгляд Оринки принимает осмысленное выражение, я удовлетворенно кивнул и запричитал, старательно изображая ужас.

– Ох, горяшко-то! Ох, напасть!

Темная винтовая лестница вела на верх донжона. В ржавых железных кольцах, вмурованных в стену через каждые пару метров, за время подъема я насчитал лишь четыре факела, и те больше коптели низкий сводчатый потолок, чем освещали потрескавшиеся от сырости выщербленные ступени. Не нужно быть сыщиком, чтобы с уверенностью сказать – лесное убежище последние десятилетия не использовалось в качестве жилища.

Винтовая лестница, не прибиравшаяся, должно быть, с момента сдачи замка, в смысле, сдачи в эксплуатацию, наконец завершилась круглой залой, перегородженной не так давно кирпичной стенкой. Грубо сколоченная дверь отделяла почти не меблированную приемную от личных покоев местного криминального авторитета. У входа в апартаменты на сундуке, покрытом рваной попоной, положив на колени боевой топор, сидел мрачного вида хмырь с человеческим лицом. Следы интеллекта никогда не исказили его угрюмые черты, но, должно быть, столь невыносимых усилий от караульного и не требовалось. Он молча смерил нас недружелюбным взглядом, зыркнул на ждущего у дверей Фуцика и, кивнув головой, вернулся к прерванному занятию – зашивать дратвой порванный сапог.

– Пошевеливайтесь, бездельники! – недовольно прикрикнул чернокнижник, потрясая кулачишком перед лицом Ратникова. – Хозяин заждался, а он ждать не любит!

– Это мы еще посмотрим, кто тут бездельник! – пробормотал Вадюня, недобрым взглядом смеривая коротышку-чародея и не в меру хозяйственного стражника.

– Что ты там язык распустил? – не унимался маг, должно быть, не расслышавший таившейся в речах моего напарника угрозы, но вполне ощутивший ее направление.

– Дверку-то, мил-человек, отворите, – не давая скандалу и мордобоем разгореться раньше времени, вмешался я.

– Вот они, батька Соловей! – Фуцик склонился в поклоне, демонстрируя нам задний фасад. – Прибыли.

– Пусть войдут, – скомандовал разбойничий вожак, и согбенная фигура мага распрямилась в повороте, заметно увеличиваясь в размерах.

– Сюда заносите!

Кабинет, или, вернее, парадные апартаменты чащобной «малины», нельзя было отнести к помещениям плохо обставленным, но и жильем это место назвать было трудновато. Оно больше походило на склад, заставленный в художественном беспорядке разнокалиберной мебелью, загруженный домашней утварью, заваленный коврами, кое-где развернутыми, а кое-где прислоненными к резным шкафам унылыми пыльными бревнами. Посреди всего этого великолепия за идеально чистым, без единой бумажечки столом восседал лохматый сидящий бородач с обвисшим овалом лица, которое, пожалуй, влезло бы не во всякий жбан.

– Туда вон, – скомандовал он, указывая кивком головы на скамью, криво поставленную у стены.

Мы поспешили исполнить его приказ, успев лишь шепнуть Оринке, чтобы она готовилась принять деятельное участие в веселье, как только оно начнется. Боюсь, подобное напутствие немного сказало едва пришедшей в себя кудеснице, но ни времени, ни способа поведать ей о наших планах, увы, не было. Поудобнее пристроив раненых на лавке, мы с Вадимом замерли в ожидании последующих команд, старательно разглядывая комнату, которая могла вскоре оказаться импровизированным полем боя.

– Ну что торчите тут столбами? – рявкнул атаман, поднимаясь из-за стола и демонстрируя обтянутое бархатным камзолом чрево, способное вызвать счастливую улыбку на лицах пивоваров и производителей сосисок. – Вон пошли!

– А-а-а, – потупив глаза, начал я, лихорадочно соображая, чем можно оправдать наше присутствие здесь, – деньги-то за провоз?

Спасибо возчику – надоумил!

– Я что, когда-то вас обманывал?! – громогласно напустился на меня громила, в негодовании потрясая лопатообразной бородой. – За нос водил? Обжуливал?

– Так...

– То-то же, что так! Ходи за дверь, печальник1, да там жди! С делами управлюсь, затем и о монетах речь пойдет. У, гужеед скарелный!

– Идем, идем! – едва ли не волоком потащил меня Вадюня.

– Ну что такое? – недовольно буркнул я, когда мы с Ратниковым оказались в приемной. Даже не в самой приемной, а на лестнице.

– Клинт, ты просек, как этого волосатого бегемота зовут?

– Ну, погоняло у него «Соловей», а как звать? – Я пожал плечами. – Да какая, к черту, разница? У меня по делу проходил один авторитет, у того и вовсе кликуха Жабба была.

– Ну и что, повязал? – с какой-то нехорошей ухмылкой поинтересовался Вадим.

– Не-а. Он в народные депутаты подался.

– То-то и оно. По жизни выходит – зря гоношился. Вот и сейчас я тебе конкретно говорю – не суетись!

– Да в чем дело-то?

– Вникай сюда. Погремуха у дедугана – Соловей. А по сути он кто? – хитро прищурился Ратников.

– Ну, бандит с большой дороги, налетчик. Что это ты вдруг загадками заговорил?

– Клин, не тупи. Шурупай мозгами! Он не просто соловей. Он по жизни Соловей-разбойник! Вникаешь?

– Да ну, ты скажешь! – усомнился я в правильности диагноза.

– Ну-ну, ободья гну! Ты перед тем как стрем попер, свист в ушах слышал?

– Слышал, – с неохотой вспомнил я. – Отменный свист! Чуть из сапог не выскочил!

– То-то же! Тут на фу-фу не возьмешь. К нему чисто подход нужен.

– Предложение замечательное. Но, если честно, я, кроме как с размаху пудовой булавой, никаких других подходов к подобным тварям в первоисточниках не встречал. Может, тебе доводилось?

– Я тоже не припомню, – сознался Злой Бодун.

– Ладно. – Я махнул рукой. – Бог даст, на месте разберемся. А сейчас самое время связаться с Делли и начать массовые увеселения для паразитирующей части здешнего общества.

Мы с Вадимом спустились еще на пару витков лестницы, чтобы не привлекать беседой внимание сапожничаящего караульщика. Изображение в зеркале – волшебном средстве мобильной связи – пошло волнами и наконец стабилизировалось, давая мне возможность наблюдать ту самую, увешанную колокольцами тропу, по которой еще полчаса назад тащились повозки с ранеными. В тени одного из деревьев, прислоняясь к бурому, покрытому глубокими бороздами стволу, как ни в чем не бывало стояла фея, чуть поодаль виднелись наши верные транспортные средства. Как ни хитроумна была задумка разбойников с бесперебойной системой оповещения, тягаться с магическими способностями прирожденной феи им было не по чину.

– У тебя все готово?

– Да, почитай, что все. Дело за малым.

– Вот и славно, – улыбнулся я. – Тогда мы ждем от тебя сигнала и тоже начинаем.

– Заметано, – с Вадюниной интонацией проговорила фея. И добавила: – Перышко вам в доньшко.

В ожидании обещанного сигнала мы замерли, стараясь полностью слиться с каменной стеной на случай, если кому-нибудь вздумается пройти этим путем. Однако желающих, похоже, не было. Из арки выходящих на лестницу дверей второго этажа доносились приглушенные звуки буйного веселья. Уж и не знаю, чему, собственно говоря, радовались вернувшиеся из рейда разбойники. Может быть, тому, что большинству удалось сохранить головы на плечах, но, так или иначе, желания сбегать за атаманом явно не выказывал никто. Убедившись, что все спокойно, я достал из-за пазухи наушник и начал прислушиваться к беседе разбойничьего вожака с пленными.

– ...Вот люблюсь я, паря, твоей девкой, да сам себя и спрашиваю: «Какого рожна ты ей без головы сдался»? Оно, вестимо, ей всякие травы да наговоры ведомы, может статься, что и петушиное слово знает, со всякой тварью говорить может, да только ж смекни, коли тебе шелом не на чем носить будет, так ведь и целоваться с тобою не всласть. Как считаешь, матрешка?

Вряд ли термин «матрешка» подходил для такой хрупкой девушки, как Ориша. Но, памятуя о том, что словечко это происходит от горделивого «матрона», то есть госпожа, почему бы и нет?!

– Да уж с головой, пожалуй, что и лучше, – согласилась кудесница. – А только на что мы вам сдались? Шли своим путем, никому поперек слова не молвили, зла не чинили.

– На что сдались, то мне решать! Захочу – в жены тебя возьму, захочу – парням отдам. А коли по нраву мне придется, могу и с дарами отпустить. Тут надо мной короля нет, тут я сам всему государь.

Разглагольствования батьки Соловья вызвали у меня невольную улыбку. Казалось, что во всех мирах, во все времена мелкотравчатая шантрапа в один голос вдохновенно исполняла

эту песнь о собственной непомерной крутости. Как, однако, менялся их репертуар на первом же допросе!

– Коли жить хотите, не артачьтесь. Что повелю, то и делайте! Стало быть, ты, кудесница, коль моих храбрецов заколдовала – так ныне расколдовывать пойдешь. И тех, кого дружок твой хладным железом ранил, тоже выходишь. И помни: коли что не так – не погляжу, что девица. А с тобою, сокол сизый, разговор и вовсе особый.

– Да-да, особый разговор будет! – вслед за атаманским рыком донесся дребезжащий голос Фуцика.

О чем планировали вести беседу скрытые от наших глаз ораторы, в общих чертах было ясно, и в интересах дальнейшей разработки возможных источников информации я бы, пожалуй, дал выговориться пресловутому батьке Соловью. Когда под сидением печет, много чего сдуру начирикать можно.

Но действительность не всегда согласуется с нашими желаниями. Звон ведерного колокола тревожным набатом разнесся над разбойничьим гнездом, проникая даже сквозь каменную толщу донжона. Колокол звонил, не умолкая, как это бывает с электрическими звонками, когда вдруг западает кнопка. Переполошенный стражник, едва не натолкнувшийся в потемках на нас, хекая, взбежал по крутому подъему, спеша доложить переполошенному главарю суть происходящего.

– Какого беса вы тут околачиваетесь, недоумки?! – увидав перед собой притаившихся возниц, рявкнул караульный.

– А... это... – со слезой в голосе начал я.

– Хвостней бы, – угрюмо растолковал суть нашего стояния Вадюня.

– Вон пошли! Не до того! – слышалось уже с верхней площадки.

Ну, не до того, так не до того – кто бы настаивал!

– Батька! – Добежавший до отца-командира разбойник затараторил прямо с порога. – Там внизу такое деется!

– Не томи, малый, толком говори! – встревоженно прогромыхал атаман. – Что еще за перезвон? Кто озоровать удумал?

– Осмелюсь доложить, батька – грифоний детеныш.

– Грифоний? – Здесь криминальный авторитет решил, вероятно, усиленно почесать затылок. – Велик ли?

– Не то чтобы, – бойко отрапортовал очевидец. – Пожалуй, что до году.

– Так отгоните к лешачьей бабке!

– Никак. – Разбойник, должно быть, развел руками. – К колокольному языку вместо веревки какой-то упырь волчью плеть привесил.

– Клянусь потрохами Симона Неньки, чтоб тебя его кишками удавили – сам плетей захотел?! Ай да молодцы, ай да хваты! Грифеныша убоялись! Тварь неразумная поперек дороги стала! – громыхал кулачищами об стол Соловей-разбойник. – Отогнать не можете – стрелами да копьями язвите!

Я хмуро взглянул на Ратникова. Уж не знаю, что там фея прицепила к колоколу и почему теперь нашедшегося Проглота нельзя отогнать, но идея расстрелять его из луков нас вовсе не радовала.

– Так... Это ж... – робея под грозным натиском, лепетал перепуганный бандит. – Там же ж два здоровенных грифона! Не иначе как он детеныш ихний. Ежели мы того мальца пораним – тварюки крепость-то по камешку раскатают! Они ж быков как семечки лузгают!

– Фуцик! – взревел Соловей, в этот момент больше напоминая усевшегося на улей медведя.

– Я! – предчувствуя, чем пахнет дело, пискнул маг.

– Бери всех, кто стоит на ногах, и как хотите, отгоните прочь этих клятых тварей!

– Так ить...

– Ма-алчать! Я велю отогнать! Не то щас ка-ак свистану! Да шевелитесь, идолово семя, у меня от перезвона вот-вот башка треснет!

Ясно различимый хлопок закрываемой двери утвердил меня в мысли, что приказ командира здесь выполняется точно так же беспрекословно и четко, как и в нашем мире.

– Клин, – задумчиво проговорил Вадюня. – А в натуре, откуда грифоны?

– Из лесу, вестимо. Может, Проглот оттого и скрылся, что родичей нашел? – предположил я.

– Прикольнo, – хмыкнул Ратников. – Может, чисто Делли позвоним, узнаем?

– Ага. Самое время.

Грохот ног на лестнице возвестил о приближении Фуцика и уже знакомого нам стражника. Мы с Вадимом по возможности максимально вжались в стены.

– Пошли прочь отседова! – пробегая мимо, брякнул недоделанный чародей, не слишком, впрочем, заботясь о выполнении своего приказа.

– Щас! – вслед ему глумливо проговорил Злой Бодун Ратников. – Шнурки поглажу! Ну что, Клин, как-то мы тут в натуре застоялись! Погребли, что ли, с паханом дружить?

Человекообразный цербер в одном сапоге продолжал тыкать длинной иглой в кожаное голенище, невзирая на оглушительный трезвон, действительно грозивший свести с ума всякого, имеющего этот самый ум.

– Ну? И чего? – хмурo взглянув на нас исподлобья и едва двигая губами, надменно кинул он.

– Господин хороший! – делая изрядный шаг в сторону немногословного секретаря местного председателя разбойкома, проговорил Вадюня. – Типа, гражданин начальник, тут ваш шеф насчет баблонов грозился.

– Чего? – Караульный даже оторвался от сапога.

– Баблонов. – Между пальцев Злого Бодуна мелькнула золотая монета с профилем грусского короля Базиля. – Типа этого.

Золотой кругляш описал дугу в воздухе и плюхнулся на пол в полушаге от хмурого невежды. Чуть левее его, то есть в стороне, противоположной правому кулаку Вадима Ратникова. Поэтому охранник был лишен возможности наблюдать стремительное движение этой кувалды к своему лицу. А вслед за этим и возможности наблюдать вообще что бы то ни было. Золотой блеск надолго померк в очах местного сотрудника частной охранной структуры.

– Нокаут, – сухо констатировал я, даже не открывая счета. – Ну что, на три входим. Раз, два, три!!!

Грубо сколоченная дверь слетела с петель, вернее сказать, влетела в атаманские покои вместе с петлями.

– Руки за голову! Лицом к стене! Не двигаться, предъявить документы! – во всю мочь своей луженой глотки орал могутный витязь, высматривая, где же притаился головной недруг. – Это ОМОН!

Мой друг явно насмотрелся дурацких сериалов, иначе вряд ли бы стал давать столь противоречивых указаний. Да и кому?! Оринка с гриднем, заткнув уши, сидели там же у стены, а Соловей-разбойник... Отчаянный лиходейский атаман раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками и судорожно глотая спертый воздух.

– Твоя работа? – Я повернулся к Оринке.

– Не-а, – замотала головой она. – Это его от звону колокольного точно демона скрутило.

Тут только я осознал, что, пожалуй, для одного сигнального колокола гул и перезвон действительно нереально сильны.

– Сдаюсь, – нащупывая ворвавшихся бессмысленным взглядом, хрипло взвыл атаман. –
Нычки ради, прекратите эту бесовскую панихиду!

Вадюня, морщась от лавины невыносимых звуков, поглядел на меня удивленно, даже
обиженно, и прокричал, едва не срывая голос:

– Клин, я в натуре не врубился! Что – и все? И никакого махача?!

Глава 7

Сказ о пользе бесхозяйственности

Соловей-разбойник мычал, как буйвол, застрявший в кипящем гейзере. Цвет его лица из бурого стал зеленым, с отливом в синеву, и глаза смотрели примерно в область затылка. Не надо было иметь высокое звание полуденного светила медицины, чтобы понять, насколько он близок к обмороку.

– Витек, а в натуре, че это его так поплющило? – заорал подурядник левой руки, опасливо глядя на разбойника.

– А я откуда знаю? – Мой ответный крик был едва различим среди колокольного гула. – Сейчас у Делли уточним.

Зеркало опять пошло волнами, спеша продемонстрировать нам жизнерадостно улыбающуюся фею. Похоже, сотрудница Волшебной Службы Охраны была вполне удовлетворена своей милой шалостью.

– Делли! – завопил я, точно пытаюсь докричаться до соратницы, минуя гладь волшебного стекла. – Что за грохот? Что у вас происходит?

– Все замечательно, – мило прошептала фея, поворачивая зеркало. – Разве что-то не так?

Скопившиеся у моста разбойники с луками и сулицами¹ пытались поразить резво носившихся взад-вперед по поляне громадных родичей нашего домашнего любимца. Не сказать, чтобы эти попытки были сколь-нибудь успешными, но, впрочем, и грифоны не проявляли особой агрессивности, похоже, от всей души резвясь и потешаясь над тщетными попытками защитников разбойничьего убежища.

– Але! – Я для верности постучал пальцем по зеркалу, чтобы заставить повернуть его обратно. – Это что за зверинец? Откуда грифоны? Родня Проглота сыскалась?

– Нет. – Возбужденная чаровница продемонстрировала рекламную улыбку, так что я готов был немедля купить ту же зубную пасту, которой пользуется она. – Это не грифоны. Это я ваших «ниссанов» к делу пристроила.

– Что?! – взревел не на шутку возмущенный Вадим Ратников как раз в тот миг, когда заклинание личины перестало действовать. – Да ты че, в натуре, подруга?! Если эти раклы паскудные мне тут, не дай бог, хоть царапину ему на бочине сделают!..

– Не сделают, – заверила чародейка. – Они ж все бывалые, знают, что стрелой грифоне тело разве что занозить можно. Вот и бьют в голову, все норовят в глаз попасть. А головы-то у них как раз и нет. Так – обман зрения.

– А-а-а! – успокаиваясь, протянул Вадим. – Ну, это круто! Чисто, улет! Ты рулишь! Слышь, это, а Проглот где? – внезапно встревожился он.

– Да что с ним станется?! Волчью плеть треплет.

Зеркальная поверхность отразила нашу, будь она неладна, неведому зверушку, которая, растопырив крылья, размахивая во все стороны длинными остроконечными ушами, самозабвенно терзала узколистую растительность – помесь вьюнка с лианой. К концу неизвестного мне ботанического казуса было крепко привязано нечто. Я присмотрелся.

– Делли, что это у него в клюве?

– Волчья плеть, – гордо повторила фея.

– Непонятно, но здорово. А на конце?

– Язык от колокола, – не меняя тона, возвестила она.

– А что же тогда гремит?

– Это запись.

– Что? – выкрикнули мы с Вадимом одновременно.

– Запись сигнального колокола, – радостно пояснила Делли. – Я ее тут немного смикшировала, наложила раз десять на самое себя с шагом интервала в две секунды и запустила через аудиосистемы ваших «ниссанов». Плюс, конечно, немного магии.

Я живо себе представил это «немного магии» и молча развел руками. Частые посещения нашего мира оказали несомненное воздействие на восприимчивый интеллект феи.

– А у вас что там воет? – в свою очередь поинтересовалась она.

– Соловей, – отозвался Вадим.

– Вы уверены? – В голосе чаровницы слышалось сомнение.

– Кто его знает? – Я пожал плечами. – Если звук уберешь – постараемся уточнить.

Между тем голосистый налетчик начал что есть силы биться головой об стол и много в том преуспел.

– Делли! – скомандовал я. – Вырубай звук! А то певчая птичка сейчас когти отбросит. Он нам живой нужен!

– Сейчас, – пообещала наша боевая подруга. – Только мост позади лиходеев сожгу, чтобы они назад не ворочались.

Спустя мгновения яркая вспышка, осветившая бойницы, возвестила о том, что локализация стрелков успешно завершена, а вслед за этим колокольный звон стих, как срезанный.

Соловей-разбойник лежал, уронив голову на столешницу, и лишь его загрохот, вздымавшийся в немых рыданиях, свидетельствовал о том, что атаман еще жив. Лужа крови растекалась меж его разметавшимися по столу черными нечесаными космами, окрашивая их в бурый цвет.

– Оришенька! – Я тревожно поглядел на обездвиженного фигуранта. – Детка, будь добра, проследи за тем, чтоб он не помер.

– Да уж расстараюсь, – пообещала кудесница. – Оно ж, коли голову себе вовсе не расшиб, то, глядишь, еще и обойдется.

– Сколько же времени займет лечение?

Я встревоженно выглянул в оконце, чтобы оценить обстановку.

– Ну так, это как считать, – растирая тонкими пальцами себе виски, проговорила Оринка. – Ежели кукушкиным веком мерить, то и не скоро. А так – до вечерней зари управлюсь.

Начинавшие сгущаться вечерние сумерки предвещали скорое окончание дня и, хотелось верить, ночевку без очередных приключений.

– Слышишь, Клин, – задумчиво глядя на усердно занявшуюся целительством кудесницу, задумчиво произнес Вадим. – Я типа схожу гляну, как там потерпевший себя чувствует. – Он ткнул пальцем в стену, видимо, подразумевая нокаутированного караульщика. – А то в натуре оклемается и начнет свинорубом размахивать. Так я его, того, чисто, к лаве примотаю. Не хрен ему попусту суетиться.

– Действуй, – кивнул я, поворачиваясь к стремennому и лихорадочно соображая, как теперь объяснить официальную версию нашего знакомства с Оринкой и, по сути дела, все, происходившее в последние часы. Что и говорить, нападение, тем более столь массивное, на разбойничье гнездо должно было иметь серьезную мотивацию.

Раненый гридень вытаращился на меня, не скрывая изумления. Пожалуй, количество неожиданностей, произошедших с ним за сегодняшний день, изрядно превышало обычный уровень.

– Кто вы? – пожалуй, более простодушно, чем испуганно поинтересовался он.

Вопрос, казалось бы, несложный, но непросто и ответить. Впрочем, как учили нас в школьные годы волшебные, правда – великая сила.

– Моя фамилия – Клинский. Я – укладник крепкой стражи одного из урядов Субурбании. Какого – не важно.

Взгляд стремленного наполнился невольным почтением. В стране, где высокое и гордое имя мздоимца несло, как знамя родины, где слово бессребреник означало неуча, рохлю и неудачника, чиновничество впитывалось с молоком матери, сказками бабушки и ремнем отца.

– А... он? – Спутник Оринки неуверенно кивнул в сторону опустевшего дверного проема, откуда слышалась довольно внятная брань Злого Бодуна Ратникова, пытавшегося разодрать на жгуты штаны, еще недавно прикрывавшие стражнику зад.

– Он? – для проформы участливо осведомился я. – Нешто не признал?

– Не-а, – сознался гридень.

– Э-эх! – махнул рукой я. – Деревня Кацапетовка, Ухрюпинский уезд! Это же И.О. государя!

– Кто? – настороженно переспросил юный помощник конюшего.

– Короля Барсиада знаешь? – В моем покровительственном тоне звучало плохо скрываемое сожаление об ущербности познаний собеседника.

– Ручаться не пришлось, а видеть доводилось, – кивнул тот.

– Так вот, ежели что вдруг, например, как сейчас, так он вместо него завсегда.

Форма глаз стремленного резко поменялась с круглой на квадратную.

– А как сейчас?

– Хреново, брат! – с чувством проговорил я. – Сам разве не чувствуешь? Но мы этим плотную занимаемся.

– Батка! Батка! – послышался с лестницы дребезжащий голос Фуцика. В этот миг от него веяло таким ужасом и паникой, словно незадачливый чудодей только-только выскользнул из лап Годзиллы, и тот неотрывно преследовал его по пятам.

– Мост горит!!! Ба... – Крик души прервался, однако глухого стука нокаутирующего удара слышно не было.

– Погоди-ка! – Я поднял вверх указательный палец, делая знак раненому гридню не говорить ни слова.

В приемной было тихо, очень тихо. Что ж там такое? Я обвел глазами кабинет, заваленный всевозможным еще не конфискованным имуществом, в поисках того, что могло бы послужить каким-никаким оружием. Наверняка в этом помещении хранился личный атаманский арсенал, однако времени шарить по окрестным закромам совсем не было.

За стенкой что-то тихо хрустнуло. То ли какая щепка попала под каблук, то ли пришли в движение слои годами не метенной пыли. А может... Маг, хоть и недоучка, все равно остается существом опасным. Наверняка для защиты собственной шкуры у него в записке имеется один-два пренеприятнейших фокуса.

– Уродство! – лихорадочно выдергивая из штанов старый армейский ремень и наматывая его на кулак, пробормотал я. – Сейчас этот паскуда испепелит Вадюню, и сказка, мать ее за ногу, на этом окончится.

За стеной вновь не было слышно ни звука. Я осмотрелся, прикидывая, куда шарахнуть от двери, если разбушевавшийся адепт тайных знаний начнет лупить молниями в дверной проем.

– Ориша, подстрахуй! А-а-а! – Я с воплем бросился на помощь другу, но, похоже, не вовремя.

Происходившее за стеной было точно срисовано с голливудского вестерна. Взъерошенный, потерявший где-то шлемак, Фуцик держал правую руку на отлете, медленно перебирая пальцами, словно играя на невидимом рояле. Он осторожно, шаг за шагом, описывал по комнате широкий полукруг, стараясь зайти с фланга стоявшему на одном колене Ратникову. Рука

подурядника лежала на голенище сапога, и он очень внимательно следил за каждым движением противника.

– А-а-а! – влетел в комнату я и едва успел рухнуть на пол. Вспышка, грохот и дым заполнили помещение. Я лежал, накрыв голову руками и опасаясь приоткрыть глаза.

– Солнцелик великий! Что вы тут творите? Что еще за дым? – раздался над головой возмущенный голос Делли. – Точно дети малые, ни на минуту оставить нельзя!

– А че я? – донесся до моего слуха обиженный бас Злого Бодуна. – Он типа первый начал! А я ж чисто в натуре ничего.

Я оторвал лицо от грязного пола, негодуя по поводу своей дурацкой позы. Вадюня сидел на пятой точке у самой лестницы. В руке его красовалось нечто, при ближайшем рассмотрении сильно напоминавшее искореженную мурлюкскую волшебную палочку. Его противник оставался стоять на месте, гордо выкинув руку вперед с подобным же раздолбаным орудием между пальцев, но почему-то ярко-красный и неподвижный, как статуя.

– Не, ну, в натуре он первый начал... – оправдываясь, сумрачно повторил И.О. государя.

Делли обвела скептическим взглядом помещение, взмахом длинных пальцев разогнала висящий, точно грязная вата, дым и удивленно воззрилась на Фуцика.

– А это кто?

– Маг, – заверил ее я.

– Вы уверены? – На лице феи появилось озадаченное выражение.

– Во всяком случае, он так себя называл, – попытался как-то оправдаться я.

– А почему он тогда красный?

На этот вопрос ни я, ни Вадим не нашли что ответить и только молча пожали плечами.

– Ох-хо-хонюшки! Ну да ничего, разберемся на досуге, – обнадежила сотрудница Волшебной Службы Охраны. – Где там ваш Соловей-разбойник?

Я молча показал на амбразуру дверного проема, за которым всюду кудесничала Оринка. Делли заглянула в кабинет, удовлетворенно кивнула, оценив обстановку, и вновь обратилась к нам.

– Ходить-то сами можете?

– А че? – Вадюня с кряхтением начал подниматься с пола. – Типа рубилово намечается?

– Не нарубился? – Фея саркастически хмыкнула.

– Не, я чисто так.

– Разбежались душегубы. Я как погнала на них грифонов – тут-то они врассыпную и прыснули. Так что рубиться не с кем. Ты мне, мил-друг, лучше поведай, какого года выпуска у тебя волшебная палочка... – фея чуть помедлила, подбирая слова, – ...была?

– Слышь, ну ты типа загнула! Я ж почем знаю! Это фиговина из конфиската. Помнишь, когда мы на малиновой линии левый обоз с мурлюкской хренотенью стопанули? Там вот и разжился.

– Странные в ней чары. Не должно было такого статья, чтоб живого человека в эдакого попугая изукрасило.

– Раньше работала нормально, – произнес я, вспоминая, как одним движением чародейского жезла уменьшенного образца удалось мгновенно осветлить черную кошку, пытавшуюся было перебежать дорогу перед Вадюниным «ниссаном».

– Что-то странное творится, – вздохнула Делли.

– О-о-о! – раздался из кабинета глухой, но вполне различимый стон. – Воды!..

– Ишь ты, запела пичуга окаянная! – В глазах чародейки мелькнул недобрый огонек, увидев который невольно вспоминаешь, что любезная красавица одним движением может не только развязать язык, но и завязать его в тугой узел. – Пожалуй, Виктор, стоит с ним потолковать, покуда он вновь в силу не вошел.

Соловей-разбойник сидел все за тем же столом, покачиваясь из стороны в сторону, недоуменно обводя непрошенных гостей обалдевшим взором.

– Вы кто?

– Вопросы здесь задавать буду я! – Мой голос, по идее долженствующий выражать суровую непреклонность, несколько потерял грозное звучание среди наваленных ковров, сундуков и прочей рухляди. – Полагаю, не нужно объяснять, что положение ваше может считаться безнадежным, если, конечно, вы не оправдаете нашего доверия полным раскаянием и чистосердечным сотрудничеством со следствием.

Временами подобное введение, я бы даже сказал, предисловие к допросу, срабатывало вполне успешно. Однако на Соловья-разбойника услышанное произвело не большее впечатление, чем сообщение о прошлогодних ценах на бензин в Республике Конго. Не говоря ни слова, он тупо обводил взглядом оперативно-следственную группу, ожесточенно пытаясь уразуметь, как докатился до жизни такой.

– Эк башка-то раскалывается! – хмуро пожаловался он.

– Слышь, ушлый хмырь, – похоже, вполне искренне возмутился Вадим. – Делов наворочал, а теперь на больничку закосить решил?! Крути его, Клин! Это он под придурка чисто канает!

– Это я под придурка канаю?! – Мрачная окровавленная физиономия хозяина здешних мест приняла было свирепое выражение, и щеки, свисавшие пустыми кошелками, начали наполняться воздухом.

– Не надо свистеть, – тихо шипя, прошелестела Делли. – А то ведь голова от боли и расколется может, не хуже, чем от Светозаровой палицы.

– Ишь, что припомнила! – потухая на глазах, пробормотал мордovorот, вовсе не радуясь силе профессиональной памяти сотрудницы Волшебной Службы Охраны. – Не страшай! По малолетке дело было. Сглупил, не на того наехал... А нынче я гулевой атаман, и кто мне дорогу заступит – долго не проживет!

– Да он никак, паскуда, угрожает! – возмутился Ратников, прикидывая в уме, чем можно заменить двухпудовую булаву своего названного брата.

– Гражданин Соловей! – вмешался я. – На вашем месте я бы не стал делать попытку запугать следствие. Вина ваша доказана, и за один только разбой на большой дороге вас уже можно четвертовать. А уж нападение на государева мздоимца, это и вовсе на колесование тянет.

– Как честной суд решит, – мрачно отозвался разбойный атаман.

– По вашему делу суда не будет, – нежно заверил я. – Будет военный трибунал в его лице. – Я кивнул на Вадюню. Лицо Вадюни немедленно приняло возбужденно-радостное выражение, несовместимое с гуманизмом.

– Это еще почему?! – уже во весь свой зычный голос проревел подследственный.

– Да потому, – вдумчиво начал я, – что господин И.О. государя, – я кивнул на разминающего молотообразные кулаки витязя, – так решил. Не правда ли?

– Ну, типа того, – отозвался недавний подурядник левой руки.

– Да ты что буровишь? Да ты знаешь, кто за мной стоит?

– Не знаю, – честно сознался я. – Но очень хочу выяснить.

Соловей-разбойник осекся, понимая, что сболтнул лишнее.

– А вот молчать не надо. Для вас же хуже, – продолжал настаивать я. – Нас как раз интересует, кто заказал вам утреннее нападение на кортеж Юшки-каана, зачем ему это было нужно и где этот государственный преступник. Вы ведь, я полагаю, не дурак, сами должны понимать, что такие дела числятся среди злоумышлений против государства и божьего порядка. Итак, я жду ответа, где этот злодей-душегуб таится?

– Знать не знаю, – внимательно рассматривая пустой стол, огрызнулся гулевой атаман.

– Запираться глупо. – Я покачал головой. – Сейчас только от вас зависит, посадят ли вас на кол, точно пугало, или же, принимая во внимание помощь следствию, вы пойдете по делу свидетелем.

– От того, кого вы ищете, идти-то, может, и идут, да только далеко не уходят, – вздохнул батка Соловей. – Потому как ноги из задницы выпадают.

– Это все только слова, – отмахнулся я. – Если вы проявите должное благоразумие, то будете включены в программу защиты свидетелей. Вам будут предоставлены дом, охрана, средства к существованию. Все это, если пожелаете, в другой стране. Если же нет, – я развел руками, – Нычка свидетель – я сделал все, что было в моих силах. Решайте сами, но помните, с вашим малахольным фокусником я бы не стал даже разговаривать, его бы колесовали на месте. Но вы не производите впечатления законченного идиота. Думайте! Пока что ваше спасение в ваших руках. Заказчика мы все равно найдем, но вам, после того как на дыбе хрустнет ваш хребет, от этого будет ни холодно, ни жарко.

Молчание затягивалось, и я лихорадочно обдумывал новые доводы, способные обтесать несговорчивого разбойника до применения средств «реалистичного устрашения».

– Задавайте ваши вопросы, – мрачно процедил криминальный авторитет, наконец прерывая затянувшуюся паузу.

– Итак, имя и прозвище вашего хозяина?

– Не ведаю, – со смаком проговорил Соловей-разбойник.

– Клинт! – Кулак И.О. государя опустил на столешницу сантиметрах в пяти от физиономии допрашиваемого. – В натуре этот свистун нас за фраеров держит! Я тебе по жизни говорю...

– Правду баю, – сквозь зубы процедил хмурый атаман. – Не то что имени и прозвания не ведаю, а и лица в жисть не видал.

– Угу, – с тяжким вздохом кивнул я. – Не был. Не участвовал. Не привлекался. Значит, все-таки решили запираться. Зря, абсолютно зря. Следствию доподлинно известно, что сегодня, около полудня, сразу после нападения вот на них, – я кивнул в сторону стремени, – вы имели разговор с заказчиком. Как вы понимаете, разговор прослушивался. Он запротоколирован и подшит к делу. Так что мы можем обойтись и без вас. Если вы действительно считаете, что быть разодранным четверкой коней лучше, чем жить в тихом месте...

– Я все как есть сказываю, – угрюмо прервал мои увещевания Соловей. – Говорить – было дело, говорил. И не токмо ныне. А ведать, кто да что, – не ведаю.

– Поясните, – напрягся я.

Страхолюдный пленник обвел глазами внимательно слушающую публику, набрал полную грудь воздуха и с шумом выдохнул, поднимая осевшую на мебели пыль.

– Стало быть, как дело-то было. Давно, еще в былые годы, до короля Барсиада, озоровал я на старом тракте, что из Торца Белокаменного в Елдин-град ведет. Силушка у меня и тогда уже водилась немалая, от свисту у коней ноги подгибались, люди с седел точь-в-точь снопы валились. Ну, известное дело, коли медок хлебать, так большой ложкой! Удумал о себе много чего. Всякую сторожкость потерял. Вот сiju как-то на дубах заветных в засаде, поджидаю купчину переезжего али путника с богатой поклажей. Вдруг, глядь – витязь на коне, зеркало на нем золотым огнем так и пышет. Шелом – не простой железный колпак, а еловец с личинною. Меч – харлужник.

Соловей-разбойник отрешенно махнул рукой:

– Одно слово, как есть справный витязь. И надоумила ж меня нелегкая свистануть ему!.. – Новый тяжкий вздох возвестил о том, что события давно минувших дней очень ярко отложились в памяти разбойника. – Ну, я, стало быть, свистанул, а он только к конской шее приник, да затем со всего маху швырь в чело мне булавой. Да так, что и не знаю, как токмо жив остался!

Сверзился наземь с дуба, дух из меня вон. А витязь аркан мне на ноги привязал да за собой в Елдин-град приволок.

– Это Светозар Святогорович был, – пояснила фея.

– Он самый, – со вздохом подтвердил Соловей-разбойник, прикладывая лапищу к голове, вероятно, к тому месту, куда пришелся удар палицы. – Выходили меня лекаря на пагубу злую. Едва в колодках опосля того не сгнил. С тех пор громких звуков не выношу. Голова, точно наковальня под молотами. Бывало, свистнешь всего-то вполсилы, опосля день башкою маешься... Словом, приволок меня витязь в Елдин-град на аркане. Ему хвостней полную шапку отсыпали, а меня продали в услужение к кобольдам в подземные храмины. Три года тачку катал, Солнцалика не видал. Думал, уж совсем конец мне придет. А только как-то ночью разбудил меня стражник и поволок в какую-то черную-черную комнату. Такую темную, что и носа своего не разглядеть.

– А там на черном-черном столе черный-черный гроб?! – радостно предположил Вадюня, не слишком, видимо, заботясь о поддержании величественного имиджа исполняющего королевские обязанности.

– Ничего такого в помине не было, – нахмурился Соловей-разбойник. – А и было бы, я б не узрел. Стражник меня в ту комнату впихнул, дверь на засов, и поминай как звали! Ну, думаю, все – смертушка моя пришла! Ан не-ет! Вдруг глас из мрака: «Ну что, Соловей, как оно, во глубине земли? Сладко ли?» Ну, вестимо, что не сладко. А глас далее вопрошает: «Желаешь ли вновь на волю?» Я в ответ: «Желать-то желаю, да чем за то платить надобно?» А мне, стало быть: «Плата с тебя будет – верная служба, да от добычи десятина. А за ту службу я тебя от всякой напасти уберегу».

– Прикинь, Витек, кто-то здесь солидно крышует!

Я молча кивнул.

– При таких-то делах и толковать не о чем! Имя у меня уже звонкое было. Силушки не занимать. Как не согласиться? Тут голос исчез, а затем стражник меня в барак поволок. Я было подумал – что за шутка такая. А поутру вывели колодников под землю идти, всех опустили в клеть, а про нас точно забыли.

– Про кого это «про нас»? – уточнил я.

– Про меня и про Фуцика. Мы с ним одной цепью скованы были. Стражник вроде как по нужде отлучился, а мы, глядь – калитка не заперта! Мы туда. У стены коновязь, у нее два коника. У одного из них на спине переметная сума, а в ней – на тебе! Одежа, по сотне хвостней на брата, ключ от скрепов наших и волшебное зеркальце. Так-то! И, стало быть, лишь я зеркальце в руку взял, оно волнами пошло, да не осветлилось, а только вновь оттуда знакомый глас слышится. И надо сказать, глас – ни мужской, ни женский, точно и не людской вовсе. Точно зверь дикий челоуечьи слова молвит.

– Всяко бывает, – буркнул Злой Бодун, вспоминая встречу на лесной тропе с Коло Шаровая Молния.

– Взял я, значит, зеркальце, – повторил Соловей, – а оттуда речь челоуечья. Мол, я уговор соблюл, и ты ж, смотри, не оплошай. С тех пор уж немало лет минуло, а таких дел, как нынче, прежде не случалось.

– Понятно, – кивнул я, хотя, честно говоря, это было неприкрытой ложью. Ничего понятного в деле пока не намечалось. – Стало быть, вы своего хозяина не видели и не знаете?

– Истинная правда, – вздохнув, согласился злосчастный лиходей.

– Но он-то вас через зеркало видеть может? – предположил я.

– Вестимо, может. А то как?

– Угу. Вот и славно. Стало быть, сейчас вы свяжетесь с хозяином и сообщите ему, что поймали Юшку-каана. Делли, ты сможешь навести образ Юшки на господина стремленного. – Я кивнул на спутника Оринки. – Надеюсь, вы согласитесь нам помочь?

– Отчего ж не помочь благому-то делу?

– Стань передо мной ровнехонько, – внимательно осматривая гридня, проговорила фея. – В самый раз будет!

– Вот и отлично. Вот и хорошо. Скажете, что тот Юшка-каан, который нынче в Елдин примчался, – подложный, Фуцикова работа. А этот – что ни на есть истинный. И чтобы передать эдакую птицу, вам нужна личная встреча. Все понятно?

– Уж куда яснее, – вяло огрызнулся Соловей-разбойник. – Да только...

– Выполняйте, – резко отчеканил я.

Глава 8

Сказ о встрече с неизведанным

Проглот валялся на спине и удовлетворенно курлыкал. Первый раз, когда я увидел подобную картину, я никак не мог сообразить, каким образом этому совершенному боевому организму удастся кататься по земле, не повреждая крыльев. Однако приходилось констатировать, что творец вполне успешно справился с задачей. Получившийся образец гибридной твари оказался не просто живучим и вполне приспособленным к этому миру, но, я бы даже сказал, не лишенным изящества.

Сейчас грифон блаженно отдыхал, растянувшись в зеленой мураве, подставляя для дружеского почесывания розоватое брюхо, проглядывавшее сквозь песчано-желтую шерсть. В лапах животного, точно призовой венки, красовалось диковинное растение, которое я уже имел возможность наблюдать по ту сторону зеркальной глади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.